

ЮНЫЙ ЧИТАТЕЛЬ

№ 15

АВГУСТЪ

1926 г.

Содержаніе:

	Стр.
Въ бурю. Разсказъ Л. Кормчаго съ рис.	65
Случайная дружба. Разсказъ Ч Робертса	71
Какъ новорожденный малютка спасъ отца. Разсказъ Гр. Быстрова изъ жизни въ Суданѣ съ рис.	75
Буффало Билль — кумиръ американскаго юношества. Очеркъ А К.	81
Фотографъ-любитель. Что такое свѣтопись?	83
Конкурсъ фотографовъ	85
Санаторія „Битнеку“. Фотографія І. Бориса	86
Бой-скаутъ	88
Юный филателистъ	89
Юморъ	89
О б о в с е м ь п о н е м н о г у :	
Грибы. Очеркъ О. І.	90
Длина корней растений	—
Курьезы жизни: Попалъ впросакъ. Едва не повѣсили. Невольный грабитель.	91
Спортивный уголокъ	92
Конкурсъ задачъ	93
Отъ редакціи	
Отъ конторы	
Объявленія	

ПРИЛОЖЕНІЕ: „Сѣрый домикъ“, романъ Л. Кормчаго, съ рис. Г. Дайбера, листъ 3-ій.

I.

Мы дважды повторили просьбу, прежде чѣмъ Антонъ удостоилъ насъ отвѣтомъ.

— Нельзя, — хмуро вымолвилъ онъ, наклонясь надъ сѣтью такъ низко, что серебро длинной бороды перепуталось съ ячейками сѣти.

— Ну-у, — протянулъ недовольно Толь, — неужели тебѣ жалко, Антонъ?

Старый рыбакъ не поднялъ головы.

— Сегодня не возьму, — сердито бросилъ онъ: — далеко ѣду.

Но это только подлило «масла въ огонь». Мы знали, что Антонъ ѣдетъ куда-то на «ту сторону», гдѣ мы никогда не бывали, и потому съ новымъ рвеніемъ атаковали старика.

— Антонъ, возьми! — цѣплялся за него Толь.

— Возьми! — вторилъ я съ другой стороны.

Долго Антонъ не умѣлъ сопротивляться. Сначала онъ прикидывался сердитымъ, бранился, даже гналъ насъ, но потомъ сдавался — слабость какую-то питалъ къ намъ старикъ.

— Ну, шутъ съ вами, куда ни шло, — буркнетъ точно нехотя, а у самого глаза смѣются изъ-подъ нахмуренныхъ ключевъ сѣдыхъ бровей.

Но на этотъ разъ старикъ былъ неподатливъ.

— Сказалъ нельзя и — баста! — поднимая голову, отрѣзалъ онъ, и уже ничего напускного не было въ его голосѣ. — Отвяжитесь!

Толь обидѣлся.

— Жалко тебѣ мѣста въ баркасѣ, — надулся онъ. — Мы же не помѣшаемъ. Помогли бы еще.

— Помощники, неча сказать... Въ другой разъ, куда ни шло, заберу, а нынче и не просись лучше... Папаша, чай, тоже не пустить. Да, если бы и пустилъ, нельзя: вишь, какъ чайки крутятся — зыбъ будетъ, а то и буря... Долго-ли до бѣды?

Мнѣ это показалось пустой отговоркой: чайки, на мой взглядъ, летали, какъ всегда.

— Ужъ и буря, — возразилъ я: — погода тихая такая, а ты бурю пророчишь. Много твои чайки знаютъ?

Антонъ тряхнулъ бородой.

— Чайка — птица Божія... Она чувствуетъ. Вишь, какъ прыдетъ надъ водой? Это ужъ безпремѣнно къ волнѣ.

— А самъ зачѣмъ къ «волнѣ» ѣдешь? — спросилъ Толь.

— Мнѣ нужно ѣхать, — проворчалъ сердито Антонъ. — Вамъ для баловства, а мнѣ дѣло. Упредить волну нужно: сѣти тамъ стоять. Какъ размечетъ волной сѣти, такъ и не сыщешь ихъ — почитай, все добро пропадетъ... Такъ-то-ся!

Упрашивать больше не было смысла, и мы ушли, разобиженные въ конецъ.

— Такъ вы ужю въ другой разъ! — крикнулъ намъ вдогонку Антонъ.

Мы не отвѣтили: больно велика была досада на несговорчиваго старика.

Растянувшись на берегу рѣки подь ивой, мы не безъ злобы глядѣли на чаекъ, носившихся надъ водой. Гладь рѣки, расширяясь, сливалась съ безбрежной гладью залива въ одну блестящую зеркальную поверхность. Ни вѣтерка, ни дуновения. Тростники стояли безъ движенія, чуть наклонивъ верхушки, точно забылись въ дремѣ.

— Почему онъ сегодня такой упрямый? — спросилъ я.

Толь отвѣтилъ не сразу.

— Н... не знаю, — протянулъ онъ, точно отрываясь отъ какихъ-то размышлений. — Просто не въ духѣ старикъ, и все... А знаешь, Коть, мы могли бы обойтись и безъ его согласія.

Глаза Толя сверкнули лукавыми искорками: значить, родился какой-то «планъ».

— Какъ же это? — заинтересовался я.

— Очень просто. Махнемъ слѣдомъ за нимъ въ челнокъ. Антонъ поѣдетъ на большомъ баркасѣ. Вѣтра нѣтъ, значить, потянется на веслахъ. На челнокъ мы его всегда догонимъ. Ну, а какъ нагонимъ посреди залива — поневолѣ возьметъ насъ въ баркасъ. Понялъ?

Толь весело разсмѣялся.

Я не замедилъ оцѣнить «планъ». Онъ показался мнѣ великолѣпнымъ.

— Челнокъ мы займемъ у Брандта — новый онъ у него, легкой, и айда! А если не у Брандта, то найдемъ и другой — мало ли ихъ здѣсь?

Челноковъ, дѣйствительно, было много: въ окрестности сплошь жили рыбаки и охотники, и всюду въ тростникахъ стояли ихъ челноки. Челноки, правда, принадлежали не намъ, но мы мало заботились объ этомъ и пользовались ими, когда хотѣли. Вообще, мы бывали такъ заняты, что думать о томъ, кому принадлежали челноки, не имѣли ни времени, ни охоты.

II.

Солнце заходило. Багровымъ блескомъ отливала рѣка. Струйки воды чуть-чуть колыхали тростникъ,

и метелки его тихо вздрагивали.

Антонъ, красный отъ солнечныхъ лучей, суетился у баркаса. Мы притаились въ челнокъ среди густого тростника и слѣдили за его сборами.

— Вотъ обрадуется, когда приѣдемъ къ нему среди залива, — хихикалъ Толь.

— Еще бы: сразу два помощника!

Лицо у Антона было озабочено. Его длинная сѣдая борода тряслась на подбородкѣ въ тактъ воркотнѣ, безъ которой старина никакъ не могъ обойтись. Онъ часто поглядывалъ на небо, и, видимо, торопился.

Наконецъ, Антонъ установилъ мачту, бросилъ въ баркасъ какой-то кулекъ и, бредя по колѣно въ водѣ, спихнулъ свое судно на глубокую воду.

Баркасъ заскользилъ по теченію, оставляя длинный слѣдъ, лѣниво расплывавшійся къ берегамъ.

Мы замерли. Антонъ проѣхалъ такъ близко, что могъ бы коснуться весломъ нашего челнока.

— Вѣтру совсѣмъ нѣтъ, а потомъ, глядишь, и зашквалить... Моряна поднимется, поди, гроза будетъ... Добраться бы во-время.

Антонъ разговаривалъ самъ съ собой, мѣрно работая веслами.

— А тутъ эти еще пострѣлята! Возьми, вишь! Утонуть въ грозу, а тамъ разбираться передъ Богомъ за нихъ... Нѣтъ ужъ, не возьму грѣха на душу... Шалишь!

Мы чуть не прыснули со смѣху: старикъ, очевидно, говорилъ о насъ.

— Бойтся, — шепнулъ я.

— Пусть, — безпечно заявилъ Толь. — Обойдемся и безъ его грѣха. Погода такая, что хоть на Эзель поѣзжай, а онъ трусить.

— Чайки напугали...

Мы оба разсмѣялись.

— Ну, пора и намъ!

Толь уперся весломъ въ дно рѣки. Челнокъ дрогнулъ и легко выскочилъ изъ тростника.

Баркасъ Антона виднѣлся впереди чернымъ пятномъ. Мокрая весла, поднимаясь и опускаясь, сверкали на солнцѣ.

Мы поѣхали не торопясь, пользуясь пока только течениемъ: нужно было дать Антону выбраться въ заливъ.

Но вотъ баркасъ скрылся за берегомъ рѣки. Только мачта, какъ спицка, рисовалась въ воздухѣ.

Толь взялся за весла.

Быстро проскользнули мы устье рѣки, проѣхали свою дачу, закрытую старыми развѣсистыми липами.

Солнце зашло. Вода потускнѣла и стала загадочно темной, точно въ нѣдрахъ ея притаилась вся необъятная глубина надвигавшейся ночи.

Челнокъ быстро, легко скользилъ по темнѣющей глади, и заливъ придвигался къ намъ вмѣстѣ съ легкимъ туманомъ, поднимавшимся вдали.

На заливѣ та-же тишь, что и на рѣкѣ. Ни малѣйшей зыби: тускнѣющее загадочное серебро, сливавшееся съ туманомъ вдали. Парило; воздухъ былъ тяжелый и влажный.

Туманъ сгущался. Баркасъ Антона едва виднѣлся впереди, да и то благодаря огоньку, затепленному рыбакомъ на верхушкѣ мачты. Я напрягалъ зрѣніе, чтобы не упустить изъ виду Антона. Баркасъ то пропадалъ въ туманѣ, и тогда только тусклой красноватой точкой колыхался въ немъ огонекъ фонаря, то появлялся снова чернымъ пятномъ почти передъ самыми глазами — мы были всего въ какихъ-нибудь 20 саженьяхъ отъ Антона.

— Еще немного проѣдемъ, а тамъ перейдемъ къ Антону, — сказала Толь, работая веслами.

Подулъ вѣтеръ... Появился онъ какъ-то сразу и притомъ порывами. Туманъ прорвался и побѣжалъ надъ водой рваными клочьями, то совершенно окутывая насъ такъ, что не видно было и на разстояніи трехъ шаговъ, то разступаясь и позволяя видѣть далеко кругомъ.

Довольно крупная зыбь закачала челнокъ, обдавая по временамъ насъ брызгами и пѣной.

— Теперь и къ Антону пора, — сказалъ Толь.

Туманъ набѣжалъ, закрывъ совершенно баркасъ. Нѣсколько ми-

Тусклой красноватой точкой колыхался огонекъ фонаря.

нуть Толь гребъ наугадъ.

— Гдѣ же Антонъ? — было первымъ его вопросомъ, когда туманъ разсѣялся.

Я посмотрѣлъ по сторонамъ — никакого признака баркаса!

— Гдѣ же онъ?

Голосъ Толя дрогнулъ тревогой.

— Неужели это онъ, Котъ?

Позади челнока виднѣлся огонекъ, а подъ нимъ темный силуэтъ паруса, быстро удалявшійся отъ насъ.

Антонъ воспользовался вѣтромъ и поднялъ парусъ, а мы ошиблись направлениемъ въ туманѣ и отѣхали назадъ!..

— Пожалуй, теперь не догнать! — замѣтилъ Толь, поворачивая челнокъ.

— Не догнать, — согласился я.

— Что же дѣлать?

Мы какъ-то сразу оцѣнили свое положеніе. Зыбь, какъ щечку, подбрасывала нашъ челнокъ и захлестывала его пѣной. Поднимись волна побольше, и челнокъ будетъ опрокинуто. А до берега далеко.

— Крикнемъ Антону! — предложилъ я.

Но это было напраснымъ трудомъ: какъ ни рвали мы горло, парусъ удалялся и удалялся отъ насъ, пока совсѣмъ не исчезъ въ темнотѣ. А потомъ потухъ и огонекъ. Вмѣстѣ съ нимъ потухла и надежда добраться до Антона. Мы почувствовали себя страшно одинокими и безпомощными среди шумной зыби, несшей на насъ сверкающіе бѣлые гребешки...

Челнокъ прыгалъ по волнамъ, подчасъ зарываясь въ пѣнѣ, и то-то и гляди, могъ опрокинуться.

— Держись за челнокъ, Котъ, — говорилъ Толь, усиленно работая веслами, — если опрокинемся, старайся удержаться за челнокъ, — съ нимъ долго можно проплыть.

Какъ ни любили мы опасности и приключенія, но возможность крушенія дѣйствовала на насъ самымъ угнетающимъ образомъ. Я сильно трусилъ, въ душѣ клялъ эту поѣздку и думалъ о томъ, что лучше было бы послушать старика.

«Вѣдь не надули же его чайки», думалъ я: «Охъ, добраться бы до берега, никогда больше не поѣду!»

И я давалъ всевозможные зарокѣ, упуская изъ виду, что такихъ зарокѣ давалъ я, когда плохо приходилось, великое множество.

— Котъ, гроза будетъ! — прервалъ мое покаянное настроеніе Толь.

— Ну? — тревожно вырвалось у меня.

— Да вотъ! — онъ кивнулъ головой къ кормѣ челнока.

Я обернулся и почувствовалъ жуткую дрожь: вдогонку намъ ползла туча.

— Не напрасно Антонъ повѣрилъ чайкамъ! — вырвалось у меня съ отчаяніемъ. — Толь, что съ нами будетъ?

Онъ не отвѣтилъ. Только еще сильнѣе заработалъ веслами.

Далеко впереди померещилась мнѣ темная тѣнь, точно стѣна выростала изъ шумящаго моря. Сердце радостно вздрогнуло.

— Берегъ, Толь! — крикнулъ я.

— Ну?

Толь обернулся. Тѣнь берега не пропала. Оба мы увидѣли ее.

— Слава Богу, — вырвалось у Толя, — авось до грозы успѣемъ.

Туча гналась за нами. Медленно, но вѣрно настигала насъ, облекая со всѣхъ сторонъ небо и одну за другой глотая звѣзды. Зыбь становилась крупнѣе.

Толь выбился изъ силъ. Я взялся за весла и что было мочи заработалъ ими.

Туча обогнала насъ. Вдали сверкнула молнія, и раскатъ грома слабо докатился къ намъ — точно злобно заворчала туча.

Берегъ обрисовался яснѣе, показалась высокая стѣна буруновъ, кипѣвшихъ между камней. Я, не раздумывая, гналъ челнокъ къ нимъ.

Вѣтеръ утихъ на секунду, точно упалъ въ бездну. Молнія зазмѣилась въ тучѣ, и громъ чуть не оглушилъ насъ. Сильный порывъ вѣтра подкинулъ челнокъ и едва не опрокинулъ его... Хлынулъ дождь.

Въ ужасѣ я гребъ что было силъ и гналъ челнокъ къ берегу, туда, гдѣ шумъ бури, казалось, усиливался бурунами, и гдѣ, при вспышкахъ молніи, сверкала рядъ мокрыхъ камней, окруженный ослѣпительно-бѣлой пѣной. ! Одна мысль была въ головѣ — достигнуть поскорѣе берега; о томъ, что насъ можетъ разбить о камни, я совершенно не думалъ.

Молнія почти не погасала на небѣ. Грохотъ волнъ сливался съ непрерывными раскатами грома. Челнокъ вертѣлся, точно щепка въ горномъ потоцѣ, прыгалъ и нырялъ, все больше и больше забирая бортами воды.

Грести изъ-за волны почти не было возможности. Я безпомощно вращалъ веслами, то ударяя ими по

воздуху, то зарывая въ волны съ прямой опасностью для челнока. Но теперь и безъ помощи весель челнокъ гнало къ берегу.

Толь усердно выплескивалъ воду черпакомъ. При блескѣ молніи я видѣлъ его блѣдное, точно у мертвеца, лицо съ широко раскрытыми глазами. Мой другъ трусилъ не меньше меня.

Буруны были совсѣмъ близко. Челнокъ несло прямо на нихъ.

— Разобьетъ насъ! — крикнулъ Толь, и за шумомъ бури я еле услышалъ его.

Большая волна подхватила челнокъ, подняла на гребень, мгновеніе несла его съ ужасной быстротой и... мы очутились точно въ кипящемъ котлѣ.

Ураганъ пѣны клубился среди острыхъ, отточенныхъ волнами, камней; за ними виднѣлись другіе — побольше.

Толчкомъ вдругъ повалило насъ. Пѣна ослѣпила и почти задушила меня; я почувствовалъ рѣзкую боль въ боку и погрузился въ воду. Но сразу же вынырнулъ.

Сверкнула молнія. Передо мной точно выросъ громадный камень, и я уцѣпился за него.

Отливавшая волна потащила меня назадъ, и я едва не сорвался въ воду, но новый валъ помогъ мнѣ — почти выкинулъ на верхушку камня. Тутъ силы покинули меня, и я упалъ на скользкую поверхность своего убѣжища.

Толя не было. Впрочемъ, я не сразу вспомнилъ о немъ, а когда вспомнилъ — ужасъ и отчаяніе сдавили душу. Напрасно при каждой вспышкѣ молніи озирался я по сторонамъ: только камни чернѣли въ сверкающей пѣнѣ, да, куда глазъ хваталъ, гуляли волны.

— Толь! — крикнулъ я, но голосъ мой тутъ-же возлѣ меня потерялся въ гулѣ волнъ.

— Толь! — еще разъ позвалъ я, и слезы горькимъ клубкомъ отчаянія подступили къ горлу.

Въ отвѣтъ только буря ревѣла.

III.

Къ утру буря утихла.

Всю ночь пролежалъ я на камнѣ, крѣпко вцѣпившись руками въ какія-то трещины.

Шумъ буруновъ почти оглушилъ меня. Волны пытались подступать ко мнѣ, но по счастью только захлестывали пѣной. Я заостенѣлъ отъ холода, и если не потерялъ сознанія, то только отъ ужаса, не покидавшего меня ни на минуту.

Наконецъ, буря затихла. Ослабѣлъ вѣтеръ, и волны умѣрили ярость. Меня трясло точно въ лихорадкѣ, и я чувствовалъ страшную слабость: поднять руку было тяжело.

Востокъ свѣтлѣлъ. Блѣдный сумракъ постепенно разрастался, и все дальше и дальше выступала въ немъ полоса камней.

Я лежалъ и безучастно смотрѣлъ на начинающійся день, на просторъ залива, постепенно открывавшійся передо мной. Я ни о чемъ не думалъ: ужасъ опустошилъ мою голову.

— Котикъ! — вдругъ донесся ко мнѣ радостный вопль.

Знакомый звонкій голосъ точно стряхнулъ съ меня оцѣпенѣніе. Я мигомъ поднялся, и утро затуманилось въ моихъ глазахъ отъ слезъ радости: въ нѣсколькихъ саженьяхъ, пробираясь ко мнѣ, прыгалъ съ камня на камень Толь.

Нѣсколько разъ онъ сорвался въ воду, но все же добрался до моего убѣжища.

— Толь, ты? — вырвалось у меня; я почувствовалъ приступъ неудержимой веселости и залился счастливымъ смѣхомъ сквозь слезы.

Толь опустился рядомъ со мной на камень.

— Ну, и здорово вышло, — сказалъ онъ. — Я думалъ, что ты утонулъ.

— А я думалъ, что ты.

— Ну, вотъ! Я же лучше тебя плаваю. Знаешь, на челнокѣ по заливу путаться не стоитъ... Въ другой разъ нужно брать лодку хорошую или баркасъ. Не правда-ли? Какъ ты думаешь?

Новый валъ выкинулъ меня на верхушку камня.

Я думалъ такъ же, какъ и мой за-
кадычный другъ; опасность про-
шла, забылись вмѣстѣ съ ней и
обѣты.

IV.

Болтая, мы сидѣли на камнѣ,
поджидая спасителей. До берега
было больше полуверсты, и мы не
надѣялись добраться до него
вплавъ — оба чувствовали сильную
усталость.

Между тѣмъ взошло солнце. Вѣ-
теръ почти совсѣмъ упалъ и гналъ
по заливу только мелкую зыбь. И
на небѣ не осталось въ поминѣ
грозныхъ тучъ: плыли легкія пери-
стыя облака.

Ждали мы долго — часа два или
три.

Наконецъ, изъ-за гряды берего-
выхъ скалъ показался рыбацій бар-
касъ.

Мы вскочили и принялись махать
ему и кричать, что было голоса. Съ
баркаса насъ замѣтили: онъ повер-
нулъ къ камнямъ.

— Ужь не Антонъ ли? — смѣясь
замѣтилъ Толь.

Въ баркасѣ видѣлась
всего одна человѣческая фи-
гура. Она сидѣла спиной
къ намъ, но вотъ оберну-
лась, и мы расхохотались:
на насъ глядѣлъ старый
Антонъ, почти обомлѣвшій
отъ изумленія.

— Антонъ! — крикнули
мы въ одинъ голосъ.

Антонъ сдрейфовалъ къ
камню. Старикъ свирѣпо
хмурился, втаскивая насъ въ
лодку.

— Откуда вы взялись,
пострѣлята? Какъ попали
сюда? — спрашивалъ онъ,
стараясь придать лицу еще
болѣе свирѣпое выраженіе.
Но, какъ всегда бывало у
него, сколько ни хмурились
брови, — глаза глядѣли ве-
село и добродушно.

— Расскажемъ, Антонъ,
расскажемъ, — говорилъ
Толь, громоздясь на кучу
влажныхъ сѣтей, на днѣ

баркаса. — Только ты палѣ не гово-
ри. Ладно? Съ тобой онъ намъ
позволилъ ѣхать вчера. Не ска-
жешь?

Толь заискивающе ластился къ
рыбаку.

— Да вотъ, буду я покрывать
васъ, баловниковъ, — ворчалъ въ
отвѣтъ Антонъ. — На что и береза
тогда будетъ расти на свѣтѣ?

— Ну, Антонъ, тебѣ не трудно
вѣдь...

— Да, не трудно. Старъ я, что-
бы врать.

— Ну, Антонушка...

— Чего присталъ? Тамъ посмо-
тримъ — съ горы виднѣе. Расска-
зывай знай!

Это значило, что старикъ сдался.
Толь принялся рассказывать о на-
шихъ приключеніяхъ, а я растя-
нулся на сѣтяхъ.

Солнышко пригрѣвало; баркасъ
плавно покачивался, и глаза мой
слипались. Сквозь сонъ доноси-
лось ворчаніе Антона:

— Ишь, баловники! Долго ли
было утонуть?.. Ахъ Ты, Господи!
Вотъ пострѣлята! Своимъ умомъ

все! Да всей лозы на свѣтѣ вамъ мало за это... А еще не сказывай про нихъ... Башибузуки и только.

И въ этой воркотнѣ славнаго ста-

рика слышались страхъ и радость за насъ и даже особая гордость ветерана залива за своихъ маленькихъ отчаянныхъ друзей.

Я заснулъ...

Случайная дружба.

Разсказъ Ч. Робертса.

Холодный вѣтеръ дулъ съ озера. Но у самаго берега, гдѣ Бэбъ ловилъ рыбу, вода была спокойна. Форель могла ясно различить его маленькую фигурку на плоту. Но на серединѣ озера бѣлые «барашки» волнъ рѣзво гонялись другъ за другомъ.

Плотикъ былъ маленькій — просто четыре деревянныхъ обрубка, скрѣпленныхъ двумя плахами. Онъ былъ нарочно сдѣланъ для Бэба, чтобы онъ могъ ловить съ него рыбу. Плотъ гораздо удобнѣе лодки, когда вода тиха и надо осторожно закидывать удочку между стеблями кувшинокъ.

Но Бэбъ закидывалъ удочку безъ особенныхъ предосторожностей. Въ такую погоду съ глупой форелью не требовалось церемоній. Рыбы были голодны и держались у самаго берега. Бэбъ ловилъ ихъ много.

Рыба, по большей части, была небольшая, но попадались форельки и съ полфунта. Единственнымъ огорченіемъ Бэба было то, что дядя Энди не видѣлъ его удачной охоты.

Форелей зажарятъ сегодня вечеромъ, обваливъ ихъ въ ржаной мукѣ. Но Бэбъ, какъ настоящій охотникъ, испытывалъ удовольствіе только въ ту минуту, когда вытаскивалъ удочку съ трепещущей рыбой и клалъ ее въ корзину. Иногда онъ привязывалъ рыбу за веревочку къ палкѣ, воткнутой въ берегъ.

Плотъ не былъ укрѣпленъ; одинъ край его немного втащили на берегъ. Но отъ тяжести мальчика и его радостныхъ скачковъ, плотикъ понемногу сползалъ въ воду. Бэбъ

былъ слишкомъ занятъ своей охотой, чтобы замѣтить это. Онъ только что успѣлъ привязать полуфунтовую форель къ палкѣ, какъ сразу ему показалось, что лѣсъ, заслонявшій ему видъ справа, вдругъ вѣжливо отстранился. У Бэба сердце замерло. Онъ повернулся и увидѣлъ, что между плотомъ и берегомъ была широкая полоса воды.

Плотъ незамѣтно, но довольно быстро приближался къ бѣлымъ «барашкамъ».

Бэбъ осторожно положилъ удочку на плотъ и нѣсколько секундъ стоялъ тихо.

Съ нимъ случилась одна изъ тѣхъ ужасныхъ вещей, о которыхъ онъ зналъ только по наслышкѣ. Онъ весь дрожалъ. Ему казалось, что всѣ бѣлые «барашки» волнъ на озерѣ обратились противъ него.

Онъ два раза пронзительно вскрикнулъ. Крикъ его прорѣзалъ воздухъ, какъ пила.

— Что съ тобой? — раздался испуганный голосъ изъ-за деревьевъ. Это былъ голосъ дяди Энди. Онъ вернулся раньше, чѣмъ Бэбъ ожидалъ. Ужасъ Бэба въ одно мгновеніе исчезъ. Онъ зналъ, что сейчасъ все уладится.

— Меня отнесло водой! Меня унести плотъ! — отвѣтилъ онъ обиженнымъ тономъ.

— О! — сказалъ дядя, выходя изъ-за кустовъ и вида, въ чемъ дѣло. — Тебя относитъ водой! Ты поднялъ такой крикъ, что я подумалъ уже, не тонешь ли ты. Не бойся, я сію секунду доберусь до тебя. И посмотримъ, въ чемъ виноватъ плотъ.

Дядя спустилъ лодку, догналъ плотъ въ нѣсколько ударовъ весель и привелъ его обратно къ берегу.

— Чего же ты такъ оралъ, вмѣсто того, чтобы позвать меня? Я же былъ рядомъ.

— Видите ли, дядя, я, правда, поторопился. Я думалъ, что вамъ, можетъ быть, некогда. Вотъ я и заоралъ, вмѣсто того, чтобы позвать.

— Ну, хорошо, хорошо, — отвѣтилъ дядя, усаживаясь на бревно и вынимая трубку, — вѣрю. Я зналъ когда-то двухъ малышек, которые могли бы и себя, и родителей избавить отъ большихъ хлопотъ, если бы во-время заорали, какъ ты. Но они почему-то не сдѣлали этого. Если хочешь, я тебѣ расскажу эту исторію.

Бабъ осторожно поставилъ удочку подъ кустъ и улегся на травѣ, у ногъ дяди, приготовясь слушать.

— Пресмѣшная была эта парочка. Одному шелъ пятый годъ; другому — пятый мѣсяць. Одинъ былъ розовенькій и бѣленькій, загорѣлый съ золотыми волосиками. А другой — черный; весь такъ и лоснился. Одинъ, видишь ли ты, былъ маленькой дѣвочкой; а другой — медвѣжонкомъ.

Не по доброй волѣ сошлись они на плоту, и трудно сказать, кто изъ нихъ кого больше боялся. Если бы дѣвочка знала, что плотъ можетъ уйти отъ берега, она ни за что не спрыгнула бы на него.

Медвѣжонокъ, несмотря на свои пять мѣсяцевъ, былъ гораздо самостоятельнѣе, чѣмъ пятилѣтняя дѣвочка. Но и ему было не по себѣ.

Онъ попалъ на плотъ совершенно случайно и засталъ на немъ дѣвочку. Онъ, конечно, ожидалъ, что она оскалитъ зубы, станетъ рычать на него и постарается сбросить его въ воду. Онъ сталъ бы тогда сопротивляться, потому что ужасно боялся бушующей воды.

Дѣло было весной, въ половодье.

Медвѣжонокъ игралъ на свалившемся деревѣ, на берегу рѣки. И вдругъ дерево сорвалось и упало. Вмѣстѣ съ нимъ поплылъ и медвѣ-

жонокъ. Мать-медвѣдица была далеко.

Поэтому онъ взвизгивалъ, надѣясь, что дѣвочка пожалѣетъ его. Хотя дѣвочка и была мала и вовсе не имѣла свирѣпаго вида, но медвѣдь считалъ ее хозяйкой плота. Дикіе звѣри знаютъ, что маленькія, по виду совершенно невинныя, созданія часто могутъ оказаться опасными, если вздумаешь затронуть ихъ.

Но что же ему было дѣлать? Плыть на кругломъ стволѣ дерева было очень страшно. Когда его принесло теченіемъ къ плоту, медвѣжонокъ поспѣшилъ перебраться на плотъ.

Дѣвочка каждую минуту ждала, что медвѣжонокъ бросится на нее и укуситъ. Иначе зачѣмъ ему было перебираться на плотъ?

Медвѣжонокъ, правда, былъ немного больше шерстяного игрушечнаго «Тэдди», которымъ дѣвочка играла дома и котораго носила за одну ногу, награждая часто шлепками.

Но лоснящаяся черная шерсть медвѣжонка совсѣмъ не была похожа на лохматую бѣлую шерсть «Тэдди»; и маленькіе сверкающіе глазки его вовсе не походили на блестящія пуговицы, украшавшія мордочку любимой игрушки.

Дѣвочка ждала, что будетъ дальше.

«Когда же придетъ мама и возьметъ меня?» думала она.

Между тѣмъ плотъ, до сихъ поръ плившій ровно, вдругъ закачался. Сильное теченіе качало плотъ. Казалось, вотъ-вотъ онъ разлетится вдребезги. Дерево, на которомъ плылъ раньше медвѣжонокъ, вскорѣ отнесло отъ плота теченіемъ. Его тоже бросало въ стороны и крутило.

Глядя на него, медвѣжонокъ, вѣроятно, радовался, что во-время перебрался на плотъ.

Теченіе несло плотъ по тому мѣсту рѣки, гдѣ дно было усѣяно острыми камнями. Зубцы камней въ обыкновенное время разрѣзали бы дно плота, но теперь рѣ-

ка разлилась, зубцы были глубоко под водой; камни давали знать о себѣ иначе. Надъ ними вода крутилась и бурлила, брызгая на плотъ.

Только самая середина плота была суха, и волны не достигали ея. Медвѣжонокъ направился туда изъ своего угла, визжа и дрожа всѣмъ тѣломъ.

Изъ противоположнаго угла поползла туда же и дѣвочка, пробираясь на четверенькахъ. Она онѣмѣла отъ ужаса, смотря на волны.

Оба добрались до середины въ одну и ту же минуту. Каждый изъ нихъ радовался, что былъ не одинъ. Хорошо, что рядомъ было что-то живое, теплое, мягкое.

Дѣвочка обернулась, всхлипывая, и обвила шею Мишки руками. Мишка сунуль свой узкій черный носъ подмышку дѣвочки, чтобы не видѣть страшной воды. Онъ пытался забраться на колѣни къ своей спутницѣ, но онѣ оказались, конечно, слишкомъ малы для него.

Черезъ десять минутъ плотъ прошелъ черезъ камни. Вода уже не бушевала, а только пѣнилась, и плотъ опять пошелъ спокойно.

Оба путешественника оправились отъ своего страха и съ удивленіемъ взглянули другъ на друга. Медвѣжонокъ соскользнулъ съ колѣни дѣвочки и сѣлъ на мохнатя заднія лапы; онъ посмотрѣлъ виновато, какъ будто ожидая чего-то со страхомъ.

Дѣвочка поняла, что Мишка продолжалъ бояться ея. Она уже успѣла привыкнуть къ нему. Она понимала, что медвѣжонокъ ждалъ отъ нея помощи, и готова была распорядиться имъ, какъ своимъ игрушечнымъ «Тэди».

Ласково, но повелительно, дѣвочка стала манить медвѣжонка: «Тэди, Тэди, иди сюда».

И она безъ церемоній втащила его къ себѣ на колѣни.

Медвѣжонокъ, чувствуя пріятную теплоту, не упирался. Хотя отъ дѣвочки и шелъ ненавистный человѣческій запахъ, Мишка все-таки былъ радъ ея ласкѣ.

Мать-медвѣдица нѣсколько разъ старалась объяснить медвѣжонку, что этотъ запахъ самый опасный, какой только можетъ зачуять носъ медвѣдя. Но медвѣжонокъ въ одно ухо впускалъ наставленія, а въ другое выпускалъ ихъ; теперь же и со всѣмъ забылъ о нихъ. Онъ усталъ и ему хотѣлось спать. Онъ уткнулъ свою мохнатую мордочку въ колѣни дѣвочки и закрылъ глаза.

Дѣвочка была въ восторгѣ отъ новой интересной игрушки; она нагнулась надъ медвѣжонкомъ и ласкала его, а ея золотистые волосы смѣшались съ мохнатой черной шерстью звѣрка.

Разлившаяся рѣка текла въ этомъ мѣстѣ спокойно. На небѣ выглянуло солнышко. Медвѣжонокъ уснулъ, и дѣвочка вскорѣ послѣдовала его примѣру. Она уткнулась личикомъ въ мохнатую спину, отъ которой шелъ звѣриный запахъ.

Наконецъ, плотъ зацѣпился за дерево на одномъ изъ затопленныхъ острововъ и остановился. Дѣти не проснулись.

Между тѣмъ, по берегу бѣжали, не помня себя отъ страха, мать дѣвочки и мать медвѣжонка — медвѣдица.

Мать дѣвочки видѣла, что рѣка уноситъ плотъ. Она была въ первую минуту готова сама броситься въ воду вдогонку за нимъ. Но, къ счастью, она во-время одумалась. Она вспомнила, что не умѣетъ плавать; она понимала, что ея дѣвочкѣ на плоту пока еще не грозитъ опасности.

Идя по груди въ водѣ по залитому полю, мать дошла до сосѣдней усадьбы, гдѣ была лодка. Усадьба стояла на холмѣ и не была затоплена.

Хозяинъ былъ дома. Прежде, чѣмъ онъ узналъ, что случилось, мать уже тащила его къ лодкѣ.

Когда они оттолкнулись и взяли весла въ руки, она рассказала ему въ чемъ дѣло. Сосѣдъ еще сильнѣе приналегъ на весла; онъ зналъ, что разлившаяся рѣка шутить не любитъ. Лодка неслась внизъ по

теченію, между бревнами и вырванными съ корнемъ деревьями; мать сидѣла на кормѣ, вытянувшись, вся блѣдная, и неподвижно смотрѣла впередъ.

Другая мать (четвероногая) боялась за своего ребенка еще сильнѣе. Она пришла къ тому мѣсту берега, гдѣ оставила медвѣжонка, и увидѣла, что берегъ обвалился, и повалившееся дерево исчезло вмѣстѣ съ нимъ. Медвѣдица умѣла плавать; но она знала, что бѣжать она можетъ быстрѣе. Молча, но съ отчаяніемъ глядя на воду, она пустилась во всю прыть по затопленному берегу; перебиралась черезъ груды обломковъ и переплывала ямы, наполненные водой.

Наконецъ, тяжело дыша, она остановилась на невысокомъ пригоркѣ, откуда видна была рѣка. Отсюда она увидѣла плотъ и спящихъ на немъ двухъ маленькихъ дѣтей. Она увидала, что ея дѣтенышъ спитъ, свернувшись въ объятіяхъ дѣвочки, его черная шерсть перемѣшалась съ ея золотистыми кудрями. Она подумала, что медвѣжонокъ умеръ — что дѣвочка убила его и увозитъ съ собой. Съ свирѣпымъ ревомъ, въ которомъ слышалось горе, она сбѣжала съ пригорка и бросилась въ воду.

Только тутъ она замѣтила, что къ плоту съ другой стороны приближалась лодка съ людьми. Лодка была гораздо ближе къ плоту, чѣмъ медвѣдица, и подвигалась быстрѣе, чѣмъ она. Ея сердце готово было разорваться отъ бѣшенства и стра-

ха. Она рѣшила, что люди въ лодкѣ только и думаютъ, какъ бы убить или украсть ея дитя. Она плыла изо всѣхъ силъ; ея плечи тяжело поднимались, когда она разсѣкала лапами воду. Но она видѣла, что ей не успѣть.

Наконецъ, лодка достигла плота и сильно толкнулась о него. Мать дѣвочки быстро вскочила, а сосѣдъ, зацѣпившись багромъ за плотъ, не давалъ лодкѣ отойти. Сердито оттолкнувъ медвѣжонка, мать прижала дѣвочку къ своей груди, зарыдала отъ радости и тутъ же пригрозила ей наказаніемъ.

Но угрозы не пугали дѣвочку. Когда мать уносила ее въ лодку, она кричала, протягивая руки къ медвѣжонку:

— Не хочу уходить безъ Тэдди!

— Садитесь, скорѣ садитесь, — просилъ сосѣдъ: — старая медвѣдица плыветъ за медвѣжонкомъ. Съ ней шутки теперь плохи.

Женщина обернулась и увидѣла медвѣдицу; она была уже недалеко. И сердце ея замерло. Что если бы медвѣдица приплыла къ плоту первой?

— Садитесь! — крикнулъ сосѣдъ еще разъ и женщина однимъ прыжкомъ очутилась въ лодкѣ.

Дѣвочка продолжала кричать и брыкаться, протягивая руки къ медвѣжонку.

Въ ту минуту, когда лодка оттолкнулась отъ плота, медвѣдица вскарабкалась на него. Обѣ матери, и двуногая, и четвероногая, безъ словъ поняли другъ друга.

КАКЪ НОВОРОЖДЕННЫЙ МАЛЮТКА СПАСЪ ОТЦА.

Гюгъ Латимеръ стоялъ на берегу быстрой Кадуны и задумчиво смотрѣлъ на воду. Было еще очень жарко, несмотря на то, что тѣни уже сильно вытянулись въ длину, и съ сѣвера дулъ прохладный вѣтерокъ.

Между полями маиса и бобовъ и небольшими рощами банановъ вилась широкая дорога, а по сбѣгавшимъ къ ней тропинкамъ, болтая и шутя, шли негры, возвращавшіеся съ полевыхъ работъ.

Гюгъ остановился у рѣки, чтобы дать отдохнуть своей лошади, и такъ глубоко задумался, что не замѣтилъ, какъ по тропинкѣ, спускавшейся къ рѣкѣ, къ нему приближались три всадника. На богато украшенномъ ослѣ ѣхала женщина въ сопровожденіи двухъ рослыхъ сильныхъ слугъ.

Гюгъ Латимеръ отодвинулся въ сторону, чтобы дать имъ проѣхать, но женщина остановила своего осла, а старшій изъ слугъ подѣхалъ къ Латимеру и почтительно поклонился.

— Не можешь ли ты сказать намъ, — спросилъ онъ, — здѣсь ли еще бѣлый человѣкъ изъ Рокъ-Кирранку?

Латимеръ откинулъ въ сторону край чалмы и повернулся лицомъ къ солнцу такъ, чтобы человѣкъ могъ видѣть его, и отвѣтилъ:

Разсказъ. Гр. Быстрова.

— Я бѣлый человѣкъ.

— Аллахъ милостивъ къ намъ! — радостно воскликнулъ слуга и, подѣхавъ къ своей хозяйкѣ, помогъ ей сойти съ осла.

Латимеръ спрыгнулъ съ лошади и пошелъ ей навстрѣчу. Женщина оказалась старухой, но старость не согнула ея стана и не сломила ея силы.

— Аллахъ да будетъ съ тобой, — отвѣтилъ Латимеръ, — что я могу сдѣлать для тебя?

Она отвѣтила вопросомъ.

— Помнить ли бѣлый человѣкъ услугу?

— Конечно, — отвѣтилъ Латимеръ, — иначе онъ былъ бы хуже звѣря.

— Не услугу ему самому, — продолжала женщина, — а одному изъ его соотечественниковъ.

— Конечно, — отвѣтилъ опять Латимеръ, — иначе онъ былъ бы неблагодарнымъ.

Женщина глубоко вздохнула, и Латимеръ, зная по опыту, что въ Суданѣ не торопятся, приготовился выслушать длинную исторію и запаса терпѣніемъ. Онъ понималъ, что съ него требовали отплаты за услугу, оказанную кому-нибудь изъ его соотечественниковъ, но не могъ представить себѣ, о комъ шла рѣчь.

— Десять лѣтъ тому назадъ въ Биду пришелъ одинъ бѣлый. Онъ былъ совсѣмъ боленъ, — говорила старуха. — Одинъ изъ знатныхъ жителей города принялъ его къ себѣ въ домъ и...

— И лѣчилъ, и ухаживалъ за нимъ, и помогъ ему снова собраться въ путь, — перебилъ ее Латимеръ. — Это былъ я, и я никогда не забуду Данъ-Хассана. Что я могу сдѣлать для него или для его се-

мьи? Моя жизнь, — прибавилъ онъ съ краснорѣчивымъ жаромъ востока, — въ его распоряженіи!

Въ глазахъ старухи, пытливо смотрѣвшихъ на него, показались слезы. Она сложила руки и опустила голову.

— Аллахъ великъ! — воскликнула она. — Аллахъ милостивъ! Онъ услышалъ мою мольбу. Не можетъ ли господинъ послѣдовать за мной сейчасъ же? Данъ-Хассанъ, мой сынъ, сильно нуждается въ помощи моего господина.

Латимеръ далъ себѣ обѣщаніе никогда не вмѣшиваться въ частныя распри туземцевъ, но — услуга за услугу. Когда онъ самъ былъ въ нуждѣ, Данъ-Хассанъ помогъ ему, и, хоть съ тѣхъ поръ прошло уже много лѣтъ, онъ не имѣлъ права забывать этого.

— Что же случилось съ моимъ другомъ? — спросилъ онъ.

— Онъ попалъ въ руки врага, — отвѣтила женщина просто, — и должна умереть.

Латимеръ подумалъ про себя, что въ такомъ случаѣ Данъ-Хассану врядъ ли можно помочь, но не сказалъ этого женщинѣ.

— Моя лошадь устала, — сказалъ онъ, — но я поспѣшу въ лагерь и приведу съ собой вооруженныхъ людей.

Женщина посмотрѣла на клонившееся къ закату солнце и покачала головой.

— Ахъ, нѣтъ, — сказала она, — это будетъ слишкомъ поздно. Не можетъ ли господинъ пойти сейчасъ со мной и поговорить съ его врагомъ?

— А развѣ онъ послушаетъ меня?

— Я прошу господина, — продолжала старуха, — заступиться только за его жену и ребенка. Просить за моего сына уже поздно, — прибавила она, горестно поникнувъ головой. — Онъ будетъ глухъ ко всякой мольбѣ, онъ долго и тщетно искалъ случая отомстить моему сыну. Онъ не уступитъ даже просьбамъ господина, но онъ, можетъ быть, согласится продлить его жизнь до прихода его первенца.

И старуха умоляющими глазами посмотрѣла на бѣлаго человѣка.

— Но если его первенецъ придетъ съ вооруженной силой, чтобы освободить отца?

— Нѣтъ, господинъ, онъ не можетъ прийти вооруженнымъ; онъ придетъ нагимъ, какимъ онъ родился на свѣтъ.

— Тогда я пойду съ тобой, мать моя, — ласково сказалъ Латимеръ. — Солнце еще далеко отъ заката.

Слуги помогли ей взобраться на осла. Латимеръ вскочилъ на свою лошадь, и группа тронулась въ путь.

Проѣхавъ около двухъ километровъ, они очутились около высокой каменной стѣны, окружавшей большой дворъ.

У воротъ расположилось десятка два воиновъ, двое изъ которыхъ стояли на часахъ по обѣ стороны воротъ, въ то время, какъ другіе ужинали около костровъ.

Стража недружелюбно взглянула на Латимера, но все-таки дала ему пройти.

«Имъ нечего опасаться, очевидно», подумалъ онъ, и жуткое чувство закралось ему въ душу. Ему казалось, что онъ шель добровольно положить свою голову въ пасть льву.

Но онъ вспомнилъ о человѣкѣ, который десять лѣтъ тому назадъ выручилъ его изъ большой бѣды, и восточный фатализмъ пришелъ на помощь европейцу.

«Что суждено, то и будетъ», — рѣшилъ онъ.

Дворъ былъ похожъ на всѣ дворы въ Суданѣ. Каменная стѣна окружала нѣсколько построекъ разной величины. Большинство изъ нихъ служили человѣческимъ жильемъ. Изъ дверей то и дѣло выходили дѣти и женщины, занимавшіяся приготовленіемъ ужина. Нѣсколько слугъ, рабовъ Данъ-Хассана, сидѣли въ одномъ изъ угловъ двора и шептались, вѣроятно, о томъ, что будетъ съ ними, когда хозяинъ умретъ.

Въ тѣни одной изъ построекъ сидѣлъ человѣкъ съ низко опущен-

ной головой. Это былъ, вѣроятно, Дасъ-Хассанъ, потому что около него стояли два сильныхъ воина съ острыми копьями въ рукахъ, а въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, вкругъ костра, сидѣло еще человѣкъ двадцать воиновъ.

Посреди двора стояло большое хлопчатниковое дерево, а подъ нимъ на коврѣ лежалъ старикъ въ ожиданіи своего ужина. Латимеру не нужно было спрашивать, кто онъ; онъ самъ зналъ, это былъ Мухамедъ - Али, побѣдитель Данъ-Хассана.

Латимеръ привязалъ свою лошадь и, подойдя къ побѣдителю, открылъ свое лицо.

— Я пришелъ съ миромъ, — сказалъ онъ.

Старикъ всталъ и важно поклонился ему. Потомъ, сдѣлавъ знакъ одному изъ слугъ, онъ приказалъ подать коверъ, пригласилъ Латимера сѣсть и самъ сѣлъ противъ него.

Латимеръ смотрѣлъ на солнце и думалъ о своемъ другѣ, который долженъ былъ умереть вмѣстѣ съ послѣдними его лучами.

И онъ внимательно посмотрѣлъ на человѣка, сидѣвшаго противъ него. Онъ, вѣроятно, былъ родомъ изъ сѣверныхъ областей, такъ какъ кожа его была значительно свѣтлѣе, чѣмъ у мѣстныхъ жителей, а крючковатый носъ напоминалъ арабскій. Онъ былъ высокъ ростомъ и широкъ въ плечахъ, но очень старъ, такъ какъ длинная борода, спадавшая на голубой бурнусъ, была бѣла, какъ снѣгъ.

— Отецъ мой, — повторилъ Латимеръ, — я пришелъ съ миромъ.

И, поглядѣвъ вкругъ на кучки воиновъ, онъ подумалъ, что иначе, пожалуй, и нельзя было бы прийти. Но Мухамедъ-Али все-таки почтительно склонилъ голову.

Нѣкоторое время они сидѣли молча и курили. Легкій дымъ ихъ трубокъ поднимался прямо кверху въ тихомъ вечернемъ воздухѣ; изъ лагеря за стѣной слышался едва внятный шумъ, надо всѣмъ царил торжественная тишина востока.

Латимеръ съ напряженіемъ смотрѣлъ на солнце; уже четверть его диска скрылась за горизонтомъ. Тогда старикъ прервалъ, наконецъ, молчаніе.

— Богъ милосердъ, — сказалъ онъ, поднявъ голову и глядя на могучія вѣтви дерева надъ своей головой. — Его милосердіе велико.

— Да, — сказалъ Латимеръ, — и если Богъ милосердъ, не должны ли и мы быть милосердными такъ же?

— Богъ милосердъ, — повторилъ опять Мухамедъ-Али. — Послѣ долгаго времени онъ предалъ, наконецъ, врага въ мои руки.

— Данъ-Хассанъ — мой другъ, — серьезно сказалъ опять бѣлый человѣкъ. — Если бы не онъ, я десять лѣтъ тому назадъ умеръ бы одинокимъ чужеземцемъ въ чужой странѣ.

— Данъ-Хассанъ — мой врагъ, — отвѣтилъ старикъ. — Онъ убилъ моего старшаго сына. Развѣ я не долженъ отомстить ему?

— Аллахъ наградитъ тебя, если ты помилуешь своего врага, — сказалъ Латимеръ, самъ не вѣря въ успѣхъ своего заступничества.

— Пятнадцать лѣтъ, — продолжалъ между тѣмъ старикъ, точно не слыша замѣчаній своего гостя, — пятнадцать лѣтъ мой сынъ лежалъ въ могилѣ, а я искалъ своего врага далеко-далеко на сѣверѣ и югѣ, востокѣ и западѣ. Онъ убилъ моего сына на сѣверѣ въ оазисѣ Эль-Фала и убѣжалъ въ Цимбу. Я нашелъ его тамъ, а онъ бѣжалъ дальше въ Царію. Я пришелъ туда, но узналъ, что онъ переселился въ Виду. Пятнадцать лѣтъ я преслѣдовалъ его отъ Локолы на югѣ до Эль-Фамы на сѣверѣ, отъ водъ великаго озера на востокѣ до высокихъ горъ, которыя ограждаютъ насъ отъ темнаго моря на западѣ и, наконецъ, — старикъ глубоко вздохнулъ, — наконецъ Аллахъ предалъ его въ мои руки. Неужели я не долженъ теперь насытиться местию, о которой мечталъ день и ночь цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ?

Конечно, — сказалъ Латимеръ, — Данъ-Хассанъ нанесъ тебѣ жестокую обиду. Что можетъ быть чловѣку дороже его старшаго сына? Но Данъ-Хассанъ — мой другъ, и я хочу попросить у тебя одной милости для него.

Послѣдній лучъ солнца погасъ, и тьма опустилаь на землю. Старикъ махнулъ рукой, и рабъ принесъ жаровню съ углями; красный свѣтъ ихъ упалъ на лицо стараго воина. Онъ былъ похожъ на орла, и въ глазахъ его горѣлъ огонь жарче пламени углей. Глядя на него, нетрудно было повѣрить, что онъ могъ преслѣдовать своего врага въ продолженіе пятнадцати лѣтъ.

— Отецъ мой, — сказалъ Латимеръ, — твой врагъ осужденъ и долженъ умереть. Но будь милосерднымъ. Позволь ему передъ смертью еще разъ обнять своего сына, онъ сейчасъ придетъ къ нему.

Старикъ, видимо, смутился.

— Я не зналъ, что у Данъ-Хассана есть сынъ. Я слышалъ, что Аллахъ отказалъ ему въ этомъ счастьи.

— Нѣтъ, у него есть сынъ, и онъ долженъ прійти къ нему. Но онъ придетъ безоружный, только для того, чтобы проститься съ отцомъ.

Старикъ приподнялся, но сейчасъ же сѣлъ опять.

— А даетъ ли бѣлый чловѣкъ свое честное слово въ томъ, что сынъ моего врага придетъ безъ оружія, и ручается ли онъ за это своей жизнью?

— Призови сюда мать Данъ-Хассана и спроси ее самъ, отецъ мой.

Рабъ привелъ старуху.

— Мать моя, — сказала Латимеръ, — я поручился своей жизнью въ томъ, что внукъ твой придетъ безоружный.

— Онъ придетъ безоружный и придетъ одинъ. Господинъ можетъ спокойно ручаться жизнью за это, — сказала старуха.

— Если онъ придетъ до разсвѣта, то я позволю отцу увидѣться съ нимъ. Приведите его сейчасъ же

ко мнѣ; можетъ быть, сынъ захочетъ отдать свою жизнь за отца.

При слабомъ свѣтѣ серебристой луны Латимеръ увидѣлъ, что глаза старухи наполнились слезами. Она ничего не отвѣтила и, повернувшись, скрылась въ той же хижинѣ, изъ которой вызвалъ ее рабъ.

Между тѣмъ подали ужинъ, и Мухамедъ-Али пригласилъ гостя раздѣлить съ нимъ трапезу. Латимеръ былъ голоденъ, но съ трудомъ глоталъ кушанья.

— Какъ охотно отдалъ бы я свою жизнь за сына, — произнесъ вдругъ Мухамедъ-Али: — въ десять разъ тяжелѣе было потерять его. Такъ будетъ и съ Данъ-Хассаномъ, Я возьму жизнь его сына, а его отпущу.

Латимеръ вздрогнулъ. Неужели Мухамедъ-Али убьетъ ребенка? Нѣтъ, это невозможно. Если бы сынъ Данъ-Хассана былъ ребенокъ, онъ долженъ былъ бы находиться здѣсь въ одной изъ хижинъ, и имъ нечего было бы ждать его. Очевидно, это взрослый юноша. И Латимеръ устремилъ свой взглядъ на ворота, въ ожиданіи, что онъ появится тамъ.

— Я возьму жизнь его сына, — повторилъ опять Мухамедъ-Али: — я пятнадцать лѣтъ искалъ его и теперь не пощажу его.

Онъ позвалъ рабовъ и велѣлъ привести къ себѣ Данъ-Хассана. Когда тотъ пришелъ, Латимеръ поднялся и сталъ рядомъ съ нимъ.

— Мой другъ, — сказалъ онъ.

Данъ-Хассанъ сначала съ удивленіемъ взглянулъ въ лицо бѣлаго чловѣка, потомъ какъ будто узналъ его.

— Данъ-Хассанъ, — сказалъ Мухамедъ-Али сурово: — господинъ проситъ у меня твоей жизни. Данъ-Хассанъ, твой сынъ медлитъ! Данъ-Хассанъ вспыхнулъ.

— Онъ придетъ, — проговорилъ онъ съ убѣжденіемъ.

— И выкупить тебя, — прибавилъ Мухамедъ-Али.

Данъ-Хассанъ содрогнулся.

— Нѣтъ, нѣтъ!... — съ ужасомъ воскликнулъ онъ.

— Я сказалъ, — перебилъ его старикъ, — если онъ придетъ до разсвѣта, онъ умретъ вмѣсто тебя.

— Нѣтъ, нѣтъ! — проговорилъ опять Данъ-Хассанъ.

самая ночь точно была полна ожиданіемъ, а онъ все не шелъ. Неужели онъ не придетъ?

И вотъ, наконецъ, на дворѣ началось движеніе, но не у воротъ,

Онъ направилъ копье на ребенка.

Стражи дотронулись до его плечъ въ знакъ того, что онъ долженъ сѣсть, и Латимеръ протянулъ ему свою трубку.

Луна тихо скользнула къ западу, и Латимеръ, не отрывая глазъ, смотрѣлъ на дорогу, по которой долженъ былъ прійти невинный избавитель. Минуты тянулись медленно, и Латимеръ едва сдерживалъ свое волненіе.

Изъ хижины, куда скрылась старуха, вышла женщина и снова вошла туда съ большимъ кувшиномъ воды, и опять все стихло. Даже

гдѣ стояла стража, а у дверей хижины, въ которую вошла старуха. Изъ нея вышло нѣсколько женщинъ, которыя направились прямо къ сидѣвшимъ у огня.

Впереди всѣхъ шла мать Данъ-Хассана съ какимъ-то сверткомъ въ рукахъ.

— Сынъ мой, — сказала она нѣжнымъ голосомъ, какимъ говорятъ всѣ матери на землѣ съ своими дѣтьми: — вотъ твой сынъ!

Дрожь пробѣжала по всему тѣлу плѣнника.

Старуха положила свою ношу къ его ногамъ и отвернула одѣяло.

Между Данъ-Хассаномъ и его врагомъ лежало крошечное тѣльце новорожденного мальчика.

Латимеръ съ трудомъ удержалъ крикъ удивленія. Данъ-Хассанъ тяжело вздохнулъ и стиснулъ зубы, а Мухамедъ-Али произнесъ проклятіе. Онъ вырвалъ копые изъ рукъ одного изъ воиновъ и направилъ его на ребенка. Но Данъ-Хассанъ инстинктивно прикрылъ его своимъ тѣломъ.

— Возьми мою жизнь, — сказалъ онъ: — мой сынъ ничего не сдѣлалъ тебѣ!

— Я сказалъ, что возьму его жизнь вмѣсто твоей, — непреклонно отвѣтилъ старикъ.

Латимеръ не выдержалъ. Чувствуя, что онъ рискуетъ собственной жизнью, онъ выступилъ впередъ и ухватился за копые.

— Мухамедъ-Али правъ, — сказалъ онъ, — но вѣдь Мухамедъ-Али воинъ, а развѣ воинъ сражается съ дѣтьми?

— У меня тоже нѣтъ сына, — съ горечью сказалъ старикъ, — и я искалъ этого человѣка цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ!

— Да, но Аллахъ всемогущій судилъ иначе. Онъ послалъ твоему врагу сына, который пришелъ отдать свою жизнь за жизнь отца. Ты принялъ его жертву. Но ты — воинъ! Ты не можешь убить беззащитнаго ребенка!

Старикъ поглядѣлъ на говорившаго со слезами на глазахъ, и Латимеръ понялъ, что огонь его гнѣва погасъ, и что гроза миновала.

Старикъ наклонился и слегка дотронулся копыемъ до головы младенца. Данъ-Хассанъ не шевельнулся.

Потомъ Мухамедъ-Али отошелъ въ сторону и далъ приказъ своимъ людямъ готовиться въ путь.

Данъ-Хассанъ бережно закрылъ ребенка одѣяломъ; женщины, стоявшія рядомъ, тихо плакали, а Латимеръ, потрясенный до глубины души всѣмъ происшедшимъ, смотрѣлъ на луну, скрывшуюся за западъ.

И это все? И никто не произнесетъ ни слова благодарности?

Нѣтъ! Человѣкъ, который пятнадцать лѣтъ преслѣдовалъ своего врага, нашелъ его, наконецъ, и который простилъ ему, не заботился о благодарности.

Онъ торопилъ своихъ удивленныхъ воиновъ въ путь и даже не обернулся на счастливаго отца, склонившагося надъ своимъ первенцомъ, который явился, хоть и поздно, но все-таки во-время, чтобы спасти жизнь своего отца.

— Аллахъ милосердъ, — сказалъ Латимеръ, очнувшись отъ своего оцѣпенѣнія и глубоко вздыхая.

— Аллахъ премудръ и милосердъ, — отвѣтилъ Данъ-Хассанъ, передавая своего первенца на руки своей матери.

фація»... Онъ былъ моимъ близкимъ другомъ, Викъ...

Старушка оправилась, и только печаль, звучащая въ ея голосѣ, выдавала ея переживанія, связанные съ этимъ отдаленнымъ тягостнымъ воспоминаніемъ.

— Такъ вотъ въ этомъ же году, — глубоко вздохнувъ, заговорила Марта снова, — была назначена и свадьба Клары... Женихъ сидѣлъ какъ разъ на твоемъ мѣстѣ, Викъ, нашъ отецъ — напротивъ, а я на этомъ самомъ мѣстѣ, гдѣ и сейчасъ сижу. Всѣмъ было очень весело, какъ сейчасъ помню... Говорили о томъ, гдѣ будетъ жить Клара съ мужемъ, и много смѣялись... Черезъ день Джимъ Голлисъ (такъ звали жениха) уѣхалъ на судно, и съ той поры его больше не видали. Спустя года два только дошли до насъ вѣсти о «Стюартѣ». Оказывается, матросы на немъ взбунтовались, убили капитана и офицеровъ, а бригъ превратили въ пиратское судно. Французскій корветъ потомъ потопилъ «Стюарта», а экипажъ частью потонулъ, частью былъ повѣшенъ... Клара и до сихъ поръ не можетъ забыть этого. Она не любитъ моряковъ и недолюбливаетъ людей вообще. Признаться, они плохо обошлись съ нею... Вотъ въ чемъ дѣло, Викъ, и ты не думай, что тетя Клара только ради тебя такая суровая: это ея особенность.

Викъ кивнулъ головой и задумался. Грозный образъ тетки Клары въ эту минуту потерялъ для него устрашающее значеніе. Исторія, рассказанная Мартой, взволновала и разстроила его: онъ почувствовалъ жалость и странное почтеніе къ старухѣ, которая тридцать лѣтъ не могла утѣшиться отъ потери жениха. Потомъ пришли на память слова Марты о школьномъ учителѣ. Мальчикъ понялъ вдругъ, что для славной старушки Базиліусъ

Стромбергъ былъ тѣмъ же, чѣмъ для Клары ея англичанинъ. Тутъ ужъ чувство глубокой жалости овладѣло имъ настолько, что въ горлѣ защипало. Вику захотѣлось обнять добрую старушку, и онъ сдѣлалъ это безъ всякаго колебанія: Марта была не изъ тѣхъ людей, которые способны стѣснить чьи бы то ни было чувства. Старушка была и поражена, и обрадована этой неожиданной лаской. Она обхватила руками шею племянника и молча прижала его къ груди. Старое сердце, привыкшее къ холоду одиночества, наполнилось вдругъ чувствомъ признательности и горячей любви къ маленькому существу, такъ просто, нѣжно и довѣрчиво выразившему движенія своей души.

Порывъ прошелъ, и Викъ почувствовалъ нѣкоторое смущеніе. Онъ покраснѣлъ, но нисколько не пожалѣлъ о случившемся: мягкая морщинистая рука старушки нѣжно и любовно гладила его по лобѣ, а губы дрожа шептали:

— У тебя доброе сердечко, мой мальчикъ, и Богъ благословить тебя...

И голосъ у нея отчасти былъ похожъ на голосъ отца. Это дѣлало ласку пріятнѣе, и грусть въ то же время брала за душу...

— О чемъ ты задумался, Викъ? — спросила старушка, освобождая шею племянника и поднимая его голову.

Викъ прямо взглянулъ ей въ глаза. Его потеря, его утрата показалась ему вдругъ не такой значительной, какъ утрата сестеръ-тетокъ. Новая неожиданная мысль пришла въ голову:

— Тетя Марта, — спросилъ онъ, не сводя взгляда съ лица старушки, — вѣдь вы тоже потеряли... а...

Онъ не находилъ нужныхъ словъ, чтобы мягко выразить свою мысль, но Марта поняла его.

— А я не такая, какъ Клара?

Лицо ея стало серьезно и печально.

— Не торопись осуждать, милый мой Викъ, — сказала она: — я, мой мальчикъ, хотя и страдала, но у меня было утѣшеніе, что Базиліусъ погибъ, спасая жизнь другихъ. Вчетверомъ они спасли 34 человекъ... Да, въ этомъ была доля утѣшенія... Погибнуть же отъ руки разбойника въ безвѣстной дали морской — совсѣмъ другое дѣло, мой милый... Однако, Викъ, будетъ объ этомъ... Смотри, не подай и вида, что ты знаешь эту исторію... Э, посмотри-ка, не тебя ли поджидаютъ тамъ Микко Валто и Тилли Карстенъ?

У цвѣтника напротивъ окна дѣйствительно Викъ увидѣлъ фигуры своихъ новыхъ друзей.

— Иди, иди, — въ отвѣтъ на вопросительный взглядъ мальчика сказала улыбаясь старушка: — общество этихъ сорванцовъ тебѣ больше пристало, чѣмъ общество двухъ старухъ. Смотри, только приходи къ обѣду.

Викъ умчался изъ комнаты, слез кивнувъ головой въ знакъ того, что онъ слышалъ наказъ. Марта проводила его взглядомъ и потомъ смотрѣла въ окно, какъ три мальчика побѣжали вдоль улицы по направленію къ площади.

— Богъ съ нимъ — это добрый мальчикъ. Плутъ успѣлъ-таки заставить меня полюбить себя... Ахъ, почему Клара ненавидитъ именно мальчиковъ?

III.

Жизнь въ сѣромъ домикѣ приняла нѣсколько иную окраску, и если внутренній ея распорядокъ почти не измѣнился, то водвореніе Вика все-таки внесло въ него нѣкоторыя осложненія.

Клара, заявивъ сестрѣ, что она рѣшительно не желаетъ вмѣшиваться въ дѣло воспитанія племянника, разъ и, повидимому, навсегда приняла по отношенію къ нему позицію посторонняго человѣка. Это, по мнѣнію Марты, было къ лучшему. Она могла цѣликомъ посвятить себя своему любимцу. Клара, совершенно не интересуясь «сокровищемъ» сестры, какъ успѣла презрительно назвать Вика, въ то же время ухитрялась все-таки отравлять ему тѣ немногіе часы, которые имъ приходилось проводить вмѣстѣ. Это вытекало иногда даже помимо ея желанія. Конечно, это не способствовало сближенію ея съ племянникомъ, на что втайнѣ рассчитывала Марта.

Наединѣ съ сестрой Клара иногда говорила о Викѣ. Тутъ она была болѣе сдержанна, и бесѣда сестеръ носила зачастую совѣщательный характеръ. Несмотря на свое кажущееся равнодушіе къ племяннику, Клара подавала сестрѣ практическіе совѣты касательно Вика, всегда здравые, какъ и самая ея мысль, лишенная, повидимому, и тѣни сантиментальности.

Такъ, недѣлю спустя послѣ своего водворенія въ сѣромъ домикѣ, Викъ явился вечеромъ въ довольно странномъ видѣ: его суконный костюмъ носилъ яркіе слѣды соприкосновенія съ шероховатостями скалистаго массива, гдѣ гнѣздились гагары. Брюки были продырявлены въ нѣсколькихъ мѣстахъ, а на колѣняхъ вырванные клочья живописно развѣвались по воздуху, обнаруживая нѣсколько ссадинъ и царапинъ на тѣлѣ. Несомнѣнно, за всѣмъ этимъ скрывалось геройское восхождение на неприступную позицію осторожныхъ птицъ, восхождение, покрывшее Вика славой среди новыхъ товарищей, но сестры на это не обратили вниманія. Марта, увидѣвъ сконфуженнаго мальчика, тщетно

старавшагося прикрыть дефекты одежды, всплеснула руками и поблѣднѣла.

— Боже мой! ты ушалъ, расшибся?

Викъ молчалъ, потупясь. Недавній герой чувствовалъ себя виноватымъ.

Клара презрительно фыркнула.

— Вздоръ! Просто онъ лазилъ за птичьими яйцами. Всѣ мальчики это дѣлають! — заявила она безапелляціонно.

Марта казалась искренно огорченной, и это усугубило настроеніе мальчика. Онъ чувствовалъ, что огорчилъ старушку, и раскаивался. Не будь здѣсь Клары, Викъ не задумываясь попросилъ бы прощенія. Онъ такъ и сдѣлалъ, уловивъ удобную минуту, и, конечно, вся исторія была сразу исчерпана.

А черезъ день утромъ, проснувшись въ своей комнатѣ наверху, Викъ увидѣлъ на стулѣ возлѣ кровати новый костюмъ. Это ужъ была не суконная пара. Штаны изъ новой желтой кожи, прекрасно пахнувшіе ремнемъ, привели его въ восторгъ. Въ новомъ нарядѣ онъ ничѣмъ не уступалъ своимъ товарищамъ и не безъ гордости вышелъ въ этотъ день изъ дому. Но Викъ такъ-таки и не узналъ, кому былъ обязанъ этимъ удовольствіемъ. Если бы онъ слышалъ въ тотъ вечеръ слова тетки Клары, слѣдствіемъ которыхъ была новая одежда, онъ бы, пожалуй, призадумался и измѣнилъ свое мнѣніе о суровой теткѣ.

— Вздоръ! — сказала она рѣшительно, возражая сестрѣ. — Мальчишку не отучишь отъ такихъ походовъ. Будь у насъ въ домѣ даже мужчина, чтобы пороть его, все равно не вышло бы никакого проку. Мальчишку не удержишь ни отъ дракъ, ни отъ рискованныхъ походовъ. Это въ ихъ природѣ, и за это я не люблю мальчишекъ. Если хочешь

разъ навсегда покончить съ волненіями этого рода, сшей ему кожаные штаны. По крайней мѣрѣ тогда не будешь знать, когда ему вздумается слазить на скалу...

Это, если и не удовлетворяло Марту, то все-таки показалось ей практически цѣлесообразнымъ. Викъ облачился въ кожаные штаны и почувствовалъ себя равноправнымъ гражданиномъ Эресбурга и его окрестностей.

IV.

Сестры Эльсто жили замкнуто, почти не водя знакомствъ. Изрѣдка только собиралось у нихъ нѣсколько человѣкъ, друзей молодости, и тогда въ уютной гостиной сѣраго домика царило нѣкоторое оживленіе. Приходилъ сюда пасторъ Магнусъ и учитель Аннусъ. Магнусъ когда-то долженъ былъ повѣнчать Клару съ пропавшимъ англичаниномъ, а Аннусъ занялъ мѣсто утонувшаго въ 1803 году Базиліуса Стромберга. Общество этихъ людей было пріятно сестрамъ и можетъ быть потому, что они являлись свидѣтелями ихъ несчастья. Кромѣ пастора и учителя заходила мадамъ Валто и старая мадамъ Зеренсенъ, пріятельница отца Клары и Марты.

Это было почтенное нешумное общество. Учитель, сѣдѣющій худощавый человѣкъ съ длиннымъ краснымъ носомъ, приносилъ съ собой скрипку и пиликалъ на ней задушевные грустные мелодіи. Марта открывала старый клавикордъ, и дрожащіе пальцы ея вырывали звуки изъ потемнѣвшихъ клавишъ. Даже Клара иногда оживлялась въ эти вечера, и, подойдя къ сестрѣ, запѣвала глухимъ, но пріятнымъ еще голосомъ:

«Надъ моремъ, гдѣ замокъ тѣснясь на скалахъ...»

Остальные слушали, прихлебывая изъ стакановъ маленькими глотками напитки, приготовленные по вкусу каждаго. Мадамъ Югансонъ пила кофе, сдабривая его немного ромомъ; мадамъ Валто — глинтвейнъ съ водой; передъ учителемъ же стояла дымящаяся пуншевая чаша съ кусочками лимона, сообщавшими комнатѣ чудный ароматъ, а пасторъ утолялъ жажду подогрѣтымъ портвейномъ.

Тутъ велись тихія бесѣды на злобу дня, сообщались политическія новости. Пасторъ являлся центромъ вниманія, такъ какъ у него былъ всегда запасъ новостей, хотя и устарѣвшихъ для всего свѣта, но не потерявшихъ свѣжести для обитателей Эрбоса и волновавшихъ мирную компанію.

Недѣли двѣ послѣ появленія Вика на Эрбосѣ, друзья собрались въ домъ сестеръ. Несомнѣнно, каждый изъ нихъ питалъ надежду получить подробныя свѣдѣнія относительно отца мальчика и прочихъ родственныхъ связей сестеръ Эльсто, и только чувство деликатности мѣшало имъ явиться раньше.

Учитель, какъ всегда, вошелъ съ футляромъ подъ мышкой. Поставивъ черный лакированный ящичекъ на стулъ въ углу, онъ вынулъ красный платокъ, тщательно протеръ стекла очковъ и, оснастивъ ими длинный красный носъ, похожій на клювъ скворца, подошелъ поздороваться съ сестрами. Галантно раскланиваясь и цѣлуя руку Марты, онъ сказалъ:

— Добрый вечерокъ, мадамъ, право добрый!

И какъ бы выражая свое удовольствіе по этому поводу, господинъ Аннусъ потеръ длинные костлявые пальцы. Они неприятно затрещали, точно кости скелета.

Клара поморщилась.

— И все у васъ та же привычка хрустѣть пальцами! — сурово замѣтила она.

Учитель давно привыкъ къ этому замѣчанію и только улыбнулся въ отвѣтъ, словно гордясь своей завидной устойчивостью въ привычкахъ. Появленіе пастора помѣшало Кларѣ новымъ замѣчаніемъ сократить Аннуса. Но она кинула на него взглядъ, ясно говорившій, что ею не оставлена надежда вернуться къ этому вопросу потомъ.

Гладкая плотная фигура пастора Магнуса, облаченная въ длинный черный сюртукъ, внесла съ собой въ комнату долю торжественности. Чисто выбритое лицо г. Магнуса дружески, но съ достоинствомъ улыбнулось компаніи.

Марта пошла навстрѣчу священнику. Клара привстала — высшая любезность, на которую была способна эта суровая особа.

— Доброго вечера, — сказалъ пасторъ, кланяясь, но не выходя изъ рамокъ достоинства. — А, господинъ Аннусъ, доброе здоровье!

Они дружески пожали другъ другу руки съ выраженіемъ истиннаго удовольствія на лицѣ, словно не видались цѣлый годъ: добрые сосѣди, они были и отмѣнными друзьями.

Гости размѣстились по своимъ обычнымъ мѣстамъ вокругъ тяжелаго стола изъ краснаго дерева. Не хватало мадамъ Югансонъ, чтобы начать обычную программу. Марта вопросительно поглядѣла на дверь.

— Мадамъ Югансонъ что-то запоздала, — замѣтила она.

— Боже мой, — воскликнулъ пасторъ, легонько стукнувъ ладонью по столу, — какая у меня голова стала! Простите, милая мадамъ Марта, я совершенно забылъ передать вамъ, что мадамъ Югансонъ сегодня не придетъ.

Въ жизни глухихъ уголковъ событія строятся и на менѣе значительныхъ основаніяхъ. Марта испуганно поглядѣла на пастора.

— Господи, что съ ней?

— Ничего особеннаго, не безпокойтесь. У нея болитъ голова — вотъ и все. Она просила меня передать вамъ ея извиненіе.

— Это очень жалко, — сказала Марта: — безъ нея вечеръ не полонъ.

Въ этомъ же родѣ высказались и остальные, за исключеніемъ Клары. Она не обмолвилась ни словомъ, но по лицу ея было видно, что она оставила за собой право имѣть особое мнѣніе по этому поводу.

Марта удалилась отдать распоряженія Эльзѣ, въ силу которыхъ въ комнатѣ вскорѣ появились кушанья и излюбленные напитки гостей. Пасторъ съ учтивостью свѣтскаго человѣка завелъ разговоръ съ Klarой. Онъ выразилъ прискорбіе по поводу того, что сестры потеряли близкаго родственника, а также высказалъ скромную надежду на то, что присутствіе племянника вознаградитъ ихъ за потерю. Надежда эта не встрѣтила сочувствія со стороны Клары. Она съ рѣшительнымъ прямотушіемъ объявила, прихлопывая надежду пастора въ самомъ зародышѣ:

— Благодарю васъ, но, знаете, я не люблю мальчиковъ.

Пасторъ, хотя и привыкъ къ рѣшительнымъ выходкамъ своей собесѣдницы, все-таки почувствовалъ замѣшательство. Онъ растерянно заморгалъ и обернулся къ учителю.

— Кхе... Кхе... гм... Я думаю, Аннусъ, погода продержится до конца мѣсяца?

Это былъ ловкій маневръ, и благодаря ему разговоръ завязался. Когда возвратилась Марта, раз-

говоръ перешелъ и на Вика, и тутъ добрая старушка дала волю своимъ чувствамъ и своему языку. Она долго превозносила достоинства племянника и заключила ихъ лестной для учителя надеждой, что вскорѣ ему удастся ближе познакомиться съ мальчикомъ.

— Да, если онъ уцѣлѣетъ до конца каникулъ, — мрачно встала Клара.

— О, Клара, — умоляюще воскликнула Марта, и ея кроткая душа задрожала отъ возмущенія: — почему ему не уцѣлѣть?

Клара расправила складки платья и завернулась въ шаль съ самымъ хладнокровнымъ видомъ.

— Я ничего не говорю, — значительно замѣтила она, — только вотъ яйца гагаръ...

Но Марта пропустила намекъ мимо ушей и снова занялась учителемъ.

— Я увѣрена, что у Вика выдающіяся способности, господинъ Аннусъ, и онъ вамъ не будетъ въ тягость... Ахъ, еще вотъ...

Старушка потеряла переносье и зачѣмъ-то поплюнула палецъ.

— Въ чемъ дѣло? — спросилъ учитель, должно быть отъ избытка вниманія перегибаясь въ креслѣ и приближая длинный красный носъ къ себе-сѣдницѣ.

— Да въ томъ... — Марта смѣшалась немного, — Викъ мальчикъ довольно нѣжный, и, надѣюсь, вы не будете къ нему слишкомъ строги, господинъ Аннусъ?

Глаза учителя заблестѣли, и губы расплылись въ улыбку человѣка, знающаго цѣну своему дѣлу.

— Мадамъ Клара, именно это говорятъ мнѣ всѣ матери Эресбурга, посылая своихъ дѣтей въ школу. Если бы я слѣдовалъ этимъ просьбамъ, линейка и розги вышли бы изъ употребленія... Но

не беспокойтесь, мадамъ Марта, я справедливъ, хотя и строгъ... Спросите у моихъ шалуновъ мнѣнія на этотъ счетъ, и, если хоть одинъ изъ нихъ въ обидѣ на меня за тѣ удары, что перепали на его долю, — я готовъ отрубить себѣ правую руку.

Викъ попалъ домой къ концу этой бесѣды. У него были какія-то причины обставить свой приходъ нѣкоторой таинственностью. Для этого мальчикъ пренебрегъ параднымъ входомъ и прошелъ во дворъ, перебравшись черезъ ворота. Онъ собирался шмыгнуть черезъ кухню наверхъ, къ себѣ, но тяжелая рука Эльзы попридержала его.

— Погоди, Викъ, — сказала она, — у насъ гости и тебѣ слѣдуетъ пойти поздороваться.

Мальчикъ смѣшался. Но видя въ Эльзѣ испытанную союзницу, пошелъ напрямикъ.

— Это невозможно пока что, Эльза. Ты видишь! — И онъ трагически отставилъ руку, которую держалъ на груди. Куртка отъ этого пришла въ движеніе, и спереди обнаружилась большая дыра. Обгорѣлые края матеріи указывали на то, какимъ путемъ она была приобрѣтена.

Эльза всплеснула руками.

— Боже мой! Гдѣ это ты?

— Тс... — тревожно сказалъ Викъ, — тетя Марта ничего пока не должна знать... Я ей потомъ скажу... Ладно, Эльза?

Эльза нерѣшительно качала головой.

— Ай, какъ же это... Викъ, Викъ...

Мальчикъ чувствовалъ себя сконфуженнымъ.

— Ну, ладно, Эльза... Это, видишь ли, отъ костра... Я пойду наверхъ и переодѣну куртку... Ты не скажешь? не скажешь?

Трудно было устоять противъ трогательной убѣдительности взгляда мальчика. Эльза съ дѣланной свирѣпостью махнула полотенцемъ.

— Ну, ладно, ладно... А кышь ты отсюда!

Но когда мальчикъ смѣясь побѣжалъ по лѣстницѣ, она остановила его и сунула въ руку теплый сладкій пирожокъ.

— Возьми пока до ужина... А о тебѣ тутъ шелъ разговоръ, Викъ, — лукаво подмигнула Эльза.

Тѣнь тревоги промелькнула по лицу мальчика.

— Ну?!—дрогнувшимъ голосомъ спросилъ онъ.

— Да, былъ разговоръ. Тутъ учитель нашъ сидитъ, и мадамъ Марта говорила о томъ, чтобы отдать тебя въ школу... О шкурѣ твоей шелъ разговоръ, Викъ...

Легкая гримаса, сморщившая носъ, показала ту беззаботность, съ которой относился Викъ къ собственной шкурѣ. Передернувъ кромѣ того плечами, онъ сказалъ безъ всякаго почтенія:

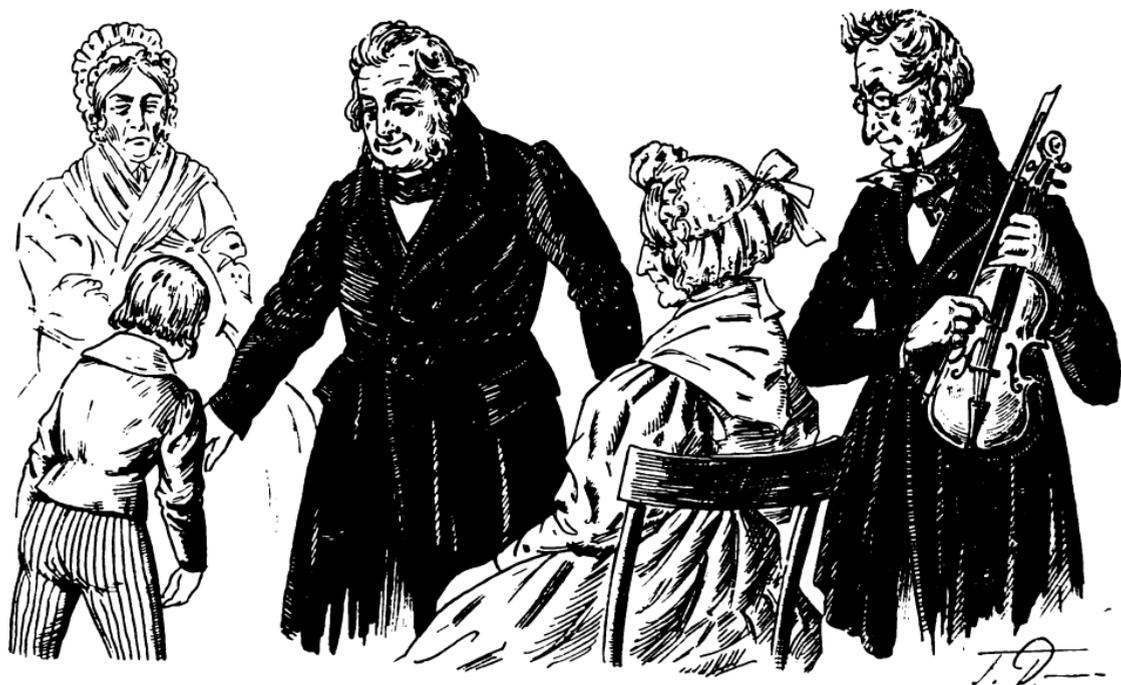
— А ну ихъ! Пусть говорятъ...

И побѣжалъ наверхъ.

Спустившись въ гостиную, Викъ превратился въ скромнаго мальчугана, не имѣвшаго ничего общаго съ сорванцомъ, вступившемъ недавно въ соглашеніе съ Эльзой. Марта съ любовной гордостью слѣдила за тѣмъ, какъ мальчикъ безъ излишней застѣнчивости, но въ то же время не выходя изъ предѣловъ скромности, почтительно поздоровался съ гостями. Она улыбалась и одобрительно качивала головой. Ея сердце радовалось при видѣ того, что гости отдають должное благовоспитанности мальчика. Даже Клара не нашлась ничего сказать: до того увѣренно и хорошо велъ себя ихъ питомецъ. Она только шепнула подъ носъ:

— Никогда не думала, чтобы грубые моряки знали толкъ въ такихъ вещахъ, какъ воспитаніе дѣтей.

Пасторъ ласково поздоровался съ Викомъ. Онъ потрепалъ его по щекѣ и сказалъ, что Викъ

Пасторъ потрепаль его по щекѣ.

совершенно большой мальчикъ, ростомъ больше своихъ лѣтъ.

Это была капля благотворнаго бальзама, упавшая въ душу Вика. Онъ вспыхнулъ отъ удовольствія и уже румяный подошелъ къ учителю.

Тотъ важно, съ долей суровости, кивнулъ головой въ отвѣтъ на привѣтствіе мальчика. Несомнѣнно, нужно было внушить будущему ученику уваженіе и трепеть къ своей особѣ. Онъ дѣловито ущипнулъ Вика за подбородокъ и сказалъ:

— Радъ познакомиться съ тобой, Викъ. Надѣюсь, что въ школѣ мнѣ не придется ссориться съ тобой... Не такъ ли?

Викъ пробормоталъ, что тоже надѣется на это, и они разстались. Мальчикъ пріютился въ уголкѣ возлѣ теткі Марты и просидѣлъ тамъ вплоть до тѣхъ поръ, пока его не погнали спать. Ему было не скучно и не весело въ этотъ вечеръ. Скрипка учителя играла какъ всегда, но Вика она развлекала мало. Ёго больше удивлялъ учительскій носъ, игравшій роль палочки капельмейстера въ этомъ концертѣ и описывавшій въ тактъ музыкѣ замысловатыя фигуры надъ скрипкой. Иногда носъ въ особо чувствительныхъ мѣстахъ почти ложился на струны, и тогда смычокъ норовилъ отхватить его острый кончикъ; иногда онъ подымался кверху, какъ клювъ журавля, глотающаго лягушку, и, вообще, оживлялъ музыку къ великому удовольствію Вика, находившаго, что и игра на скрипкѣ можетъ быть сносной, если умѣть ее разнообразить.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Таинственный незнакомец.

I.

Казалось, чтобы войти совершенно въ кругъ жизни Эресбурга и острова Эрбоса, Вику не хватало только официальнаго представленія выдающимся гражданамъ городка. Послѣ того, какъ онъ познакомился съ пасторомъ и былъ занесенъ въ списокъ учениковъ господина Аннуса, вмѣстѣ съ линейкой и пучкомъ розогъ, лежащей на кафедрѣ въ большой школьной залѣ, Викъ получилъ права гражданства. Имъ перестали интересоваться, перестали наблюдать за нимъ, и, когда онъ проходилъ по улицамъ городка, изъ оконъ его не преслѣдовали любопытные взгляды. Имъ стали заниматься не больше, чѣмъ любимъ мальчишкой въ кожаныхъ штанахъ, когда-либо нарушавшимъ покой и тишину мертвыхъ улицъ городка.

Каникулы на Эрбосѣ были не изъ продолжительныхъ. Въ началѣ августа, по старинному обычаю, господинъ Аннусъ взобрался на колокольню церкви и прозвонилъ въ колоколъ сборъ учениковъ. Это былъ странный трезвонъ. Состоялъ онъ изъ ряда перемежающихся быстрыхъ пронзительныхъ звуковъ и заканчивался ударомъ въ большой колоколъ. Густой звукъ, далеко плывшій надъ островомъ, какъ бы ставилъ точку послѣ торопливаго, бранчиваго приказанія. Когда-то этотъ трезвонъ дѣйствительно оповѣщалъ окре-

стныхъ рыбаковъ, но теперь былъ совершенно лишенъ смысла, и только любовь къ традиціямъ жителей Эрбоса заставляла Аннуса ежегодно утруждать длинныя ноги восхожденіемъ на колокольню.

Викъ былъ въ числѣ мальчугановъ, собравшихся послѣ трезвона на школьномъ дворѣ. Онъ съ любопытствомъ осмотрѣлъ старинную, каменную, приземистую постройку школы, примыкавшую къ церковному зданію. Сложена она была изъ большихъ кусковъ плитняка и опиралась на гранитный фундаментъ. Сѣрое, угрюмое зданіе производило дѣзольно мрачное впечатлѣніе: отъ него еѣяло суровой торжественностью и строгостью. Срѣльчатая окна были открыты, и въ нихъ была видна внутренность класса: черныя парты стояли рядами, точно длинныя гробы съ придвинутыми къ нимъ скамейками. Передъ партами, посерединѣ комнаты стоялъ столъ на возвышеніи, а на немъ красовались эмблемы грозной власти: линейка и пучокъ прутьевъ. Старый хромой сторожъ Іоганнъ съ мрачнымъ выраженіемъ на давно небритомъ лицѣ, крѣпко-накрѣпко перевязывалъ пучокъ веревкой.

— Это для насъ! — весело крикнулъ Вику Тилли Карстенъ. — Эй, Іоганнъ!

Старикъ, нахмурясь, обернулся.

— Іоганнъ, — продолжалъ шалунъ, — ты бы выбралъ хоть на этотъ разъ розги помягче...

Сторожъ взмахнулъ пучкомъ и ударилъ по каедрѣ. Прутья хищно свистнули.

— Прекрасно для вашего брата, — съ мрачнымъ удовольствіемъ вымолвилъ онъ: — все самый отборный молоденькій лознякъ! Слышите!

И онъ снова взмахнулъ прутьями.

Тилли скорчилъ ему гримасу.

Буффало Билль — кумиръ амери- канскаго юношества

Очеркъ А. К.

Имя Буффало Билля извѣстно, благодаря многочисленнымъ повѣстямъ и особенно благодаря фильмамъ, не только американскому юношеству, но и всему міру, и я думаю, многимъ интересно будетъ узнать, что знаменитый американскій ковбой не является выдуманной личностью, но дѣйствительно существовалъ и прославился, какъ самый лучший охотникъ на буйволовъ въ Америкѣ.

«Буффало Билль» (Буйволоный Билль), настоящее имя котораго было Вилліамъ Коди, родился въ 1846 году въ Иова, въ центральныхъ штатахъ. Ему было всего 8 лѣтъ отроду, когда родители его отправились съ нимъ и 5 другими дѣтьми на Западъ, гдѣ въ Канзасѣ можно было получить земли. Семья совершила дальнее путешествіе въ фургоны, а Билль проѣхалъ весь путь вмѣстѣ съ отцомъ — верхомъ на конѣ.

Послѣ мирной жизни въ Иова, первые шаги колонистовъ въ малоизвѣстныхъ мѣстностяхъ Канзаса были сопряжены съ большими опасностями и лишениями. Въ довершеніе несчастій, отецъ Билля умеръ, когда послѣдному едва исполнилось 11 лѣтъ. Враги покойнаго отца собирались отнять у сиротъ землю, но юный Билль, оказавшійся «старшимъ въ родѣ», рѣшилъ не сдаваться и удержать имущество за собою. Предстоялъ непосильный трудъ, т. к. деньги нужно было достать какъ можно скорѣе. Билль нанялся коннымъ развѣдчикомъ въ большую торговую фирму, переправлявшую на Западъ большіе караваны «кораблей пустыни», подъ именемъ которыхъ были извѣстны громадныя фургоны съ парусиновымъ верхомъ, запряженные многочисленными быками. Сопровождавшіе караваны служащіе, конюхи и погонщики, — всѣ были вооружены на случай нападеній со стороны индѣйцевъ, и отвѣтственная служба пришлась по душѣ юному Биллю.

Онъ проводилъ почти подъ открытымъ небомъ, завернувшись въ одѣяло и слу-

Буффало Билль.

шая рассказы опытныхъ ковбоевъ, собиравшихся у костра. Нѣкоторые рассказы про жестокость и дикость индѣйцевъ заставляли трепетать даже мужественное сердце юнаго развѣдчика.

Въ одинъ прекрасный день сторожевые всадники замѣтили отрядъ индѣйцевъ, и такъ какъ враги вдсятеро превосходили силами ковбоевъ, то послѣдніе, а вмѣстѣ съ нимъ и Билль, рѣшили поспѣшно отступить къ каравану. Во время бѣженной скачки Билль нѣсколько отсталъ отъ другихъ, и, обернувшись, замѣтилъ, что одинъ изъ индѣйцевъ, скакавшихъ наперерѣзъ отряду, готовъ пустить стрѣлу въ спину прикрывавшему отступление ковбою. Билль, не задумываясь, придержалъ коня и мѣткимъ вы-

стрѣломъ обезвредилъ коварнаго врага. Маленькому герою не исполнилось тогда еще 12 лѣтъ.

Послѣ этого случая, мать Билля уговорила сына бросить опасную службу и поступить въ школу, но послѣ вольной жизни въ преріи стѣны школы показались ему слишкомъ тѣсными. Билль убѣждалъ отъ строгаго учителя и снова поступилъ въ развѣдчики.

Въ это время въ большихъ городахъ Колорадо было найдено золото, и «золотая лихорадка» охватила и старыхъ, и малыхъ. Билль, которому едва исполнилось 14 лѣтъ, недолго думая, отправился съ партией золотоискателей. Золота мальчуганъ не нашелъ, но встрѣтился съ старымъ пріятелемъ, который предложилъ ему поступить въ «Конные экспрессы».

Это было знаменитое предпріятіе, основанное для доставки почты и цѣнностей черезъ преріи и горы, гдѣ не было не только желѣзныхъ дорогъ или телеграфа, но и вообще никакихъ порядочныхъ дорогъ. Весь путь отъ рѣки Миссури до Сакраменто шелъ на протяженіи 3700 километровъ по дикимъ мѣстностямъ, кишѣвшимъ индѣйцами и разбойниками. На этомъ пути была устроена сѣть постовъ, снабженныхъ отборными наѣздниками, которые и поддерживали связь Запада съ Востокомъ. Мѣшки съ почтою передавались всадниками изъ рукъ въ руки и шли непрерывною цѣпью, какъ въ наши дни въ состязаніяхъ въ бѣгѣ передаются эстафеты.

Билля было не хотѣли принимать на опасную службу, какъ слишкомъ юнаго по лѣтамъ, но онъ такъ долго просилъ, что его взяли на пробу — на одинъ мѣсяцъ. Его участокъ пути былъ всего въ 85 километровъ длиною, но ихъ онъ долженъ былъ продѣлывать въ 3 часа времени, дважды мѣняя коня.

Въ день первой своей скачки Билль въ условленное время ожидалъ на конѣ у своей станціи очереднаго «экспресса», котораго онъ долженъ былъ замѣнить. Наконецъ, показался всадникъ на взыменномъ конѣ, поспѣшно бросившій Биллю на руки мѣшокъ съ почтою. Время было рассчитано по минутамъ, и Билль, съ мѣста въ карьеръ, поскакалъ къ слѣдующему посту. Здѣсь онъ бросилъ

усталаго коня и вскочилъ въ сѣдло новаго скакуна, на которомъ домчался до конечнаго пункта, даже на нѣсколько минутъ раньше положеннаго времени. Здѣсь онъ въ свою очередь бросилъ мѣшокъ съ почтою поджидавшему его всаднику.

Съ этого дня началась для Билля трудная и опасная служба, во время которой ему, 14-лѣтнему мальчугану, приходилось не разъ подвергаться нападеніямъ со стороны индѣйцевъ. Биллю каждый разъ удавалось благополучно спастись, но вскорѣ индѣйцы стали настолько дерзки, что побѣдки «конныхъ экспрессовъ» были на время прекращены, а противъ самихъ индѣйцевъ были предприняты походы регулярныхъ войсковыхъ частей, подкрѣпленныхъ конными развѣдчиками. Разумѣется, въ числѣ ихъ очутился и нашъ Билль.

Въ тѣ времена въ преріяхъ Америки еще водились несмѣтные стада буйволовъ (или бизоновъ), служившихъ главнымъ источникомъ существованія для индѣйцевъ, и служившихъ одновременно лакомою приманкою и для колонистовъ. Юный Билль вскорѣ прославился какъ самый смѣлый охотникъ на эту крупную и довольно опасную при ближайшемъ соприкосновеніи «дичь». Когда черезъ американскій материкъ начали строить знаменитый Тихоокеанскій желѣзнодорожный путь, Билль подрядился снабжать мясомъ буйволовъ сотни рабочихъ, работавшихъ на постройкѣ. За полтора года Билль убилъ около 4.200 буйволовъ и получилъ почетное прозвище «Буйволоваго Билля» — Буффало Билля.

Его триумфъ пришелся не по вкусу нѣкоторымъ его соперникамъ по опасной охотѣ, и одинъ изъ нихъ пытался доказать свои права на почетное званіе короля охотниковъ на буйволовъ.

Былъ устроенъ специальный охотничій турниръ, во время котораго нашъ Билль Коди убилъ наибольшее количество буйволовъ и такимъ образомъ закрѣпилъ за собою имя «Буйволоваго Билля».

Могила великаго охотника и ковбоя въ наши дни является мѣстомъ паломничества многочисленныхъ туристовъ, главнымъ образомъ юныхъ поклонниковъ «Буффало Билля».

Фотографъ-любитель

Что такое свѣтопись, или фотографія?

„Писатель пишетъ перомъ, художникъ кистью, скульпторъ работаетъ рѣзцомъ, а фотографъ самымъ блаженнымъ — свѣтомъ“.

Въ этихъ словахъ великаго Монтегаци дана полная оцѣнка сущности фотографіи.

Фотографія — не сухое ремесло, а искусство, гдѣ художникъ творитъ при помощи свѣта. Отсюда и названіе его — свѣтопись.

Начиная свои очерки по свѣтописи, я долженъ замѣтить, что занятіе фотографіей, помимо пріятнаго времяпрепровожденія, обогащаетъ знанія, развиваетъ способность наблюдать и воспринимать наблюдаемое. Свѣтописецъ, какъ писатель и художникъ, можетъ при помощи своего аппарата воспѣть природу и ея красоту и собрать весьма полезный матеріалъ, иллюстрирующій исторію, географію, этнографію и т. д.

Краткая исторія

Фотографія въ томъ состояніи, въ которомъ она находится сейчасъ, — искусство молодое, но начало самой свѣтописи относится къ XVI вѣку. Въ 1570 году неаполитанскій физикъ Порча изобрѣлъ камеру-обскуру, которой пользовались для зарисовыванія различныхъ предметовъ, находящихся передъ камерой. Способъ запечатлѣть и сохранить отраженное свѣтовое изображеніе былъ открытъ лишь въ XIX вѣкѣ. Фланцузамъ Нипсу и Дагеру удалось найти способъ закрѣпленія изображеній на серебряной пластинкѣ. Этотъ способъ, названный дагеротипіей (въ честь изобрѣтателя) былъ очень сложенъ и не давалъ фотографу такого простора въ работѣ, какъ теперь. Только въ 1871 году англійскій докторъ Маддоксъ изобрѣлъ способъ изготовленія бромо-серебряной пластинки, которой пользуются фотографы и сейчасъ, и этимъ изобрѣтеніемъ открылъ широкую будущность для фотографіи.

Открытие Маддокса сдѣлало свѣтопись общедоступной.

Конкурсъ фотографовъ.

Княжья башня. Снимокъ Н. С.

Сущность свѣтописи.

Свѣтовые лучи прямолинейны. Встрѣчаясь съ какимъ-либо непроницаемымъ предметомъ, они стражуются отъ него тоже по прямой линіи. Встрѣчаясь же съ прозрачнымъ предметомъ, какъ напр. стекло, свѣтовые лучи частью поглощаются имъ, частью отражаются, но большинство проходитъ сквозь преграду, нѣсколько отклоняясь отъ прямой линіи, то-есть переломляясь.

Свойство свѣтовыхъ лучей отражаться отъ предметовъ послужило основой свѣтописи.

Если, напримѣръ, свѣтъ будетъ проникать въ комнату съ наглухо закрытыми ставнями черезъ маленькое отверстіе въ ставнѣ, то на стѣнѣ противъ этого отверстія мы увидимъ изображеніе предметовъ, находящихся передъ отверстіемъ.

Изображеніе появилось потому, что лучи свѣта, отражаясь отъ предмета, проникли въ отверстіе ставни и отразились на стѣнѣ.

Первая камера-обскура была построена такимъ образомъ: она имѣла отверстіе въ передней стѣнкѣ, сквозь которое проникалъ свѣтъ, дававшій изображеніе на матовомъ стеклѣ, замѣнявшемъ заднюю стѣнку.

Конкурс фотографов.

Рыболовъ.

Снимок П. К.

Фотографический аппарат без объектива.

Первобытная камера-обскура может служить превосходным фотографическим аппаратом, который каждый может сделать сам в виде ящика, снабженного отверстием в передней стенке и матовым стеклом в задней. Матовое стекло замѣняется касетой с пластинкой, когда аппарат установлен как слѣдует, и изображение на матовом стеклѣ достигло желаемой рѣзкости.

Нужно помнить только, что чѣмъ меньше отверстие, тѣмъ изображение будетъ отчетливѣе; чѣмъ ближе къ отверстию матовое стекло, тѣмъ изображение будетъ меньше. Комбинируя величину отверстия и длину расстояния матоваго стекла отъ него, можно достигнуть желаемаго эффекта, или установить аппаратъ „на фокусъ“, какъ говорятъ фотографы.

Такимъ образомъ пользовался всегда знаменитый англійскій свѣтописецъ Гинтонъ-Гирслей, свѣтловыя картины котораго приобрѣтены

многими художественными музеями.

Такой аппаратъ можетъ безъ затрагъ построить и каждый изъ нашихъ читателей.

Объективъ.

Отверстие, благодаря своей незначительной величинѣ, пропускаетъ очень мало свѣтовыхъ лучей, и потому изображение въ камерѣ получается довольно темнымъ. Чтобы усилить изображение, пользуются свѣтособирательнымъ (зажигательнымъ) стекломъ, которое вставляютъ въ отверстие камеры.

Такое стекло вставляется или одно, или нѣсколько ихъ заключаются въ трубку-оправу, и этотъ приборъ называется объективомъ.

Вы знаете, что для того, чтобы зажечь чтеніибудь зажигательнымъ стекломъ, его нужно поставить на опредѣленное расстояние отъ зажигательнаго предмета. Такъ и въ фотографическомъ аппаратѣ нужно установить расстояние между объективомъ и матовымъ стекломъ, чтобы получить наибольшую рѣзкость изображения. Это и есть „установить аппаратъ на фокусъ“

Диафрагма.

Объективъ снабжается приборомъ, при помощи котораго можно уменьшить отверстие объектива, пропускающее свѣтъ, для получения болѣе отчетливости изображения. Приборъ этотъ состоитъ изъ металлическаго диска, снабженнаго отверстиями различныхъ размѣровъ, которыми пользуются въ зависимости отъ силы свѣта: чѣмъ сильнѣе освѣщеніе, тѣмъ меньше отверстие, тѣмъ слабѣе свѣтъ, тѣмъ больше.

Въ самодѣльномъ аппаратѣ роль диафрагмы съ успѣхомъ можетъ сыграть черная бумажка (по размѣру объектива) съ отверстиемъ посрединѣ. Эта бумажка наклеивается на объективъ.

І. Борисъ.

(Продолженіе будетъ.)

Конкурс фотографов.

Маленькая кино-артистка. Фото-этюдь Б. К.

Большой конкурс „Фотографа-любителя“.

Для поощренія дѣятельности фотографовъ-любителей редакція журнала «Юный Читатель» открыла большой конкурсъ фотографическихъ работъ,

Условія конкурса.

Въ конкурсѣ могутъ принимать участіе всѣ читатели журнала.

Начиная съ этого номера, каждый экземпляръ журнала снабжается талономъ, дающимъ право присылать матеріалъ для конкурса.

На каждомъ талонѣ указанъ срокъ отправки. Лица, желающія принять участіе въ конкурсѣ, направляютъ въ редакцію свои фотографическія работы, обязательно прилагая талонъ.

Фотографіи, по мѣрѣ поступления ихъ въ редакцію, будутъ помѣщаться на страницахъ журнала съ указаніемъ имени автора работъ.

За лучшія работы будутъ выданы цѣнные преміи:

- одна премія за снимки животныхъ и растений;
- одна премія за снимки историческихъ мѣстностей и памятниковъ старины;
- одна премія за снимки бытовыхъ сценъ;
- одна премія за снимки видовъ природы;
- одна премія за снимки типовъ народовъ, національных костюмовъ и т. п., и
- одна премія трудолюбія — за наибольшее количество при-
сланныхъ работъ.

Изъ лучшихъ работъ нашихъ фотографовъ-любителей, ко дню присужденія премій по конкурсу, будетъ устроена въ Ригѣ выставка. Выставляемые работы будутъ увеличены до размѣровъ картинъ.

Для работы по увеличенію фотографій потребуются негативы, которые и просимъ сохранять до окончанія конкурса.

Срокъ отправки второго талона 20-ое августа с. г. Работы адресовать:
Latvija. Rīgā, Valdemāra ielā 63, редакція журн. „Юный Читатель“.
„Фотографъ“.

Отвѣты на запросы.

Многимъ. Фотографіи, предназначенныя для печатанія въ журналахъ, книгахъ и т. п., лучше всего готовить на бумагѣ «Ника» Кодака.

Какъ фотографировать подъ водой.

Витя Ивановъ интересуется вопросомъ, какъ фотографировать подъ водой безъ особыхъ приспособленій.

Способовъ фотографированія подъ водой очень много, и въ будущемъ мы посвятимъ этому вопросу особую статью. Пока же рекомендуемъ простѣйшій способъ.

Обыкновенная камера съ выдвину-
тымъ впередъ объективомъ вполне пригодна для фотографированія подъ водой.

Нужно помнить, что объективъ наружной своей поверхностью долженъ соприкасаться съ той средой, въ которой совершается фотографированіе. Въ данномъ случаѣ онъ долженъ соприкасаться съ водой.

Укрѣпивъ камеру на штативѣ объективомъ къ поверхности воды, ее опускаютъ до прикосновенія объектива съ поверхностью воды. Опускать камеру нужно осторожно, чтобы не замочить затвора и передней ея части.

Фотографировать можно только въ тихую и солнечную погоду. Время экспозиціи (выдержка) зависитъ отъ глубины съемки и прозрачности воды. Нѣсколько опытовъ дадутъ возможность точно установить экспозицію.

Моментальные снимки (выдержка отъ 0,5 до 1,5 секунды) удаются вполне на глубинѣ до 1 метра. I. Б.

Игры въ песокъ.

Дѣти отъ 2 — 4 лѣтъ проводятъ время въ играхъ съ пескомъ. Чтобы предохранить песокъ отъ загрязненія, постороннимъ и старшимъ дѣтямъ запрещается ходить въ этотъ уголокъ.

Санаторія

Забота о дѣтяхъ и ихъ благополучіи — главная задача какъ каждой семьи, такъ и государства. Родители прилагаютъ всѣ старанія къ тому, чтобы ихъ дѣти росли здоровыми; государство помогаетъ имъ въ этой заботѣ: государству нужны здоровые, полные силъ граждане, въ которыхъ превращаются со временемъ дѣти.

Въ Латвіи заботѣ о дѣтяхъ удѣлено большое вниманіе. Больничныя кассы и различныя общества содержатъ лѣтомъ обширныя колоніи, въ которыхъ отдыхаютъ и набираются силами дѣтишки. Объ одной такой колоніи („Буртнеки“) мы писали въ № 13 журнала.

Общій видъ санаторіи „Биртнеку“.

Гимнастика.

Разрѣшается только легкая гимнастика послѣ купанія, при чемъ воспитатель слѣдитъ за правильнымъ ходомъ гимнастики.

Сейчасъ помѣщаемъ снимки другого учрежденія — дѣтской санаторіи „Биртнеку“, помѣщаемой въ сосновомъ лѣсу возлѣ ст. Александровскія Ворота.

„Биртнеку“ не просто дача для отдыха дѣтей. Это — санаторія, въ которой лѣчатся больныя дѣти, страдающія слабостью легкихъ и туберкулезомъ (чахоткой).

Въ городахъ довольно много такихъ дѣтей. Большинство изъ нихъ — дѣти несостоятельныхъ родителей, не имѣющихъ возможности тратить средства на лѣченіе.

Къ услугамъ этихъ дѣтей — санаторія „Биртнеку“, созданная энергіей и заботами г-жи Клаустинъ, являющейся добрымъ гениемъ обитателей санаторіи.

Въ „Биртнеку“ сейчасъ 82 обитателя въ возрастѣ отъ 4-хъ до 17 лѣтъ.

„Битнеку“.

Жизнь здѣсь особая, направленная главнымъ образомъ на борьбу съ недугомъ.

Главное лѣчение — воздухъ, насыщенный со-
сной, солнце, купаніе, гимнастика и питаніе.

На прилагаемыхъ снимкахъ мы видимъ эти моменты изъ жизни дѣтей въ „Битнеку“: солнечныя ванны, игры, гимнастику и купаніе. Все протекаетъ подъ неусыпнымъ наблюденіемъ руководителей, работу которыхъ направляютъ врачи.

Благодаря заботливому уходу къ концу лѣта дѣти оправляются, крѣпнуть и покидаютъ санаторію, запасшись силами на зиму.

Солнечныя ванны.

Солнечныя ванны — одно изъ самыхъ лучшихъ средствъ борьбы съ болѣзнью. Дѣти принимаютъ ихъ въ особо-отведенныхъ для этого мѣстахъ. Продолжительность ваннъ опредѣляется врачомъ.

Обитатели санаторіи съ г-жею Клаустинъ (въ серединѣ) воспитателями, врачомъ и другимъ персоналомъ.

Санаторія „Битнеку“ — одно изъ учреждений, гдѣ заботятся о поправленіи здоровья дѣтей, чтобы въ будущемъ изъ нихъ выросли здоровые, сильные граждане.

Такихъ учреждений въ Латвіи нѣсколько. Одно изъ нихъ, между прочимъ, расположено въ крайне живописной мѣстности близъ станціи Огеръ на берегу Двины, недалеко отъ впаденія въ нее притока Огеръ.

Въ этой санаторіи находится тоже около 100 дѣтей, преимущественно жителей гор. Риги.

Купаніе въ озерѣ.

Купаться разрѣшается только тѣмъ изъ дѣтей, кому это не можетъ повредить. Купаніе протекаетъ подъ наблюденіемъ воспитательницъ, придерживающихся предписаній врача.

Объединение русских скаутовъ.

Неоднократныя попытки къ объединенію рижскихъ отрядовъ русскихъ скаутовъ дали наконецъ желаемый результатъ. Рѣшающее значеніе въ этомъ направленіи имѣло совѣщаніе русскихъ скаутмастеровъ, состоявшееся въ лагерѣ Х. С. М. Л. на Бѣломъ озерѣ 18 іюля с. г. Первымъ шагомъ къ сближенію отрядовъ являются предполагаемые маневры русскихъ скаутовъ въ первой половинѣ августа.

Второй цѣлью маневровъ будетъ подготовка къ большимъ осеннимъ маневрамъ скаутовъ г. Риги. На совѣщаніи были намѣчены также и слѣду-

ющіе шаги, долженствующіе повлечь за собой сляніе русскихъ скаутовъ, волчатъ и роверовъ въ одно неразрывное цѣлое. Послѣ маневровъ, въ концѣ лѣта, предполагается устройство спортивной олимпиады русскихъ скаутовъ. Кромѣ того, имѣются въ виду неоднократныя общія прогулки, клубные вечера и пр. Въ текущемъ году русскіе отряды, какъ извѣстно, расположили свои лагеря въ различныхъ мѣстахъ; въ будущемъ-же году будетъ устроенъ одинъ большой лагерь, общій для всѣхъ русскихъ скаутовъ.

Почетный даръ „Неизвѣстному англійскому бой-скауту“.

Во время послѣдняго своего визита въ Америкѣ, глава скаутовъ всего міра, сэръ Баденъ-Пауль председательствовалъ на конференціи американскихъ скаутскихъ организацій въ Вашингтонѣ. Въ присутствіи 800 делегатовъ сэру Баденъ-Паулю была передана бронзовая фигура буйвола съ надписью: «Неизвѣстному скауту за ревностное исполненіе ежедневныхъ добрыхъ дѣлъ, благодаря чему скаутизмъ нашель широкое распространеніе въ Соединенныхъ Штатахъ Америки».

Происхожденіе этой надписи таково:

Одинъ крупный издатель изъ Чикаго, мистеръ Бойсъ, заблудился въ Лондонѣ во время сильнаго тумана. Онъ безпомощно озирался по сторонамъ, когда къ нему подбѣжалъ мальчикъ и, вѣжливо отдавъ честь, спросилъ: «Могу я вамъ чѣмъ-либо помочь, сударь?». Мистеръ Бойсъ радостно откликнулся: «О, да, молодой человекъ! Вы сдѣлаете поистиннѣ добро дѣло, если проведете меня на

нужную мнѣ улицу». Мальчикъ снова отдалъ честь и попросилъ американца слѣдовать за собою. Вскорѣ мистеръ Бойсъ очутился у подъезда нужнаго ему дома и хотѣлъ дать услужливому мальчику на чай шиллингъ, но тотъ вѣжливо возразилъ: «Я скаутъ! Скауты не берутъ на чай за оказанныя услуги». Мистеръ Бойсъ переспросилъ въ недоумѣніи: «Кто ты, говоришь?» Мальчикъ повторилъ свой отвѣтъ и прибавилъ: «Развѣ вы не знаете, кто такіе скауты?» — «Не знаю, но хотѣлъ бы узнать».

Мальчуганъ сказалъ, что подождетъ американца у подъезда, а потомъ сведетъ его къ сэру Паулю.

Въ результатѣ мистеръ Бойсъ повезъ къ себѣ на родину цѣлый грузъ книгъ и брошюръ о скаутизмѣ. Въ Вашингтонѣ онъ совмѣстно съ своимъ другомъ, мистеромъ Ливингстономъ, который въ продолженіе пятнадцати лѣтъ былъ президентомъ В. А. (Бой-скаутовъ Америки), положилъ основаніе скаутизму въ Соединенныхъ Штатахъ.

Новыя марки.

Боливія

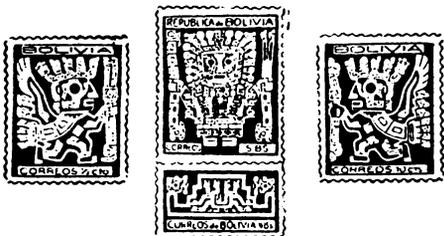
Южно-американская республика Боливія ознаменовала 100-лѣтіе своего существованія выпускомъ серіи въ 43 новыхъ марки. Марки различныхъ цвѣтовъ отпечатаны на красивомъ золотомъ фонѣ (отъ ½ центавосъ до 5 боливаровъ). Сюжетомъ для марокъ послужили фигуры съ древнѣйшихъ памятниковъ, въ томъ числѣ съ „Воротъ Солнца“, которыя по расчету ученыхъ

были выстроены приблизительно тринадцать тысячъ лѣтъ тому назадъ, т. е. гораздо раньше египетскихъ пирамидъ. Эти ворота были обнаружены у маленькаго городка по имени Тихуанацацу. На громадномъ полированномъ камнѣ высѣчены изображенія солнца, мѣсяцевъ и дней мѣсяцевъ. Рисунки являются доказательствомъ высокой культуры древнѣйшаго населенія южной Америки.

Отдѣлъ обмѣна.

Александръ Илюкевичъ, Рига, Каролиннская ул., № 16, кв. 2, въ обмѣнъ на марки Латвіи и С. С. С. Р. высылаетъ Болгарію, Эстонию, Югославію и др. марки. Первымъ не высылаетъ, отвечаетъ всегда.

Бенона Явчерсона, подучившаго 200 различныхъ марокъ изъ Дравограда, просимъ ускорить высылку обмѣнныхъ марокъ г-ну Волкову.

Конкурсъ филателиста.

Въ этомъ номерѣ журнала мы помѣщаемъ талонъ № 3 (последній) конкурса «Юный Филателистъ». По поступившимъ свѣдѣніямъ, нѣкоторые наши читатели собрали уже изрядное количество марокъ, вырѣзанныхъ съ талонновъ конкурса, и, такимъ образомъ пе-

чатаніе дальнѣйшихъ талонновъ не увеличилось бы ничѣмъ шансовъ на побѣду, а только прибавило бы всеѣмъ юнымъ коллекціонерамъ работы. Итакъ, достаточно собрать возможно большее количество марокъ съ трехъ талонновъ и прислать ихъ не позже 1 сентября.

Юморъ.

— Что ты такой сердитый? — спросилъ Мейеръ своего сосѣда Паума.

— Будешь, братъ, сердиться, если тебя переѣдетъ велосипедъ. Представь себѣ, возвращаясь къ вчера домой поздно вечеромъ по нашей улицѣ, вдругъ чувствую сильнѣйшій ударъ въ спину и валюсь со всѣхъ ногъ на тротуаръ. Какой-то дурацкій мальчишка-велосипедистъ наѣхалъ на меня, даже не давъ звонка. Ну, понятное дѣло, я задалъ ему основательную трепку, а потомъ такъ раздѣлалъ его велосипедъ, что ему никогда не придется на немъ больше кататься...

— Такъ ты значить отвелъ душу. Чего-же ты теперь заишься?

— Душу-то я отвелъ, но представь себѣ мое негодование, когда я впотымахъ разобралъ, что вздулъ собственнаго сына и поломалъ велосипедъ, который самъ ему недавно купил!

Обо всемъ понемногу.

Грибы.

Засуха настоящего лѣта не благоприятствуетъ произрастанію грибовъ; но пойдутъ дожди, и появятся сыроѣжки, рыжики, масленики, подберезовики, подосиновики или красные, боровики или бѣлые грибы, не говоря о другихъ, мѣнѣе цѣнныхъ любителями грибовъ. И потянутся любители грибовъ съ корзинами въ лѣсъ за лакомымъ блюдомъ, и начнутъ изрывать мохъ въ поискахъ молодыхъ боровиковъ и рыжиковъ. Но разрывая почву, вмѣсто того, чтобы ножомъ аккуратно срѣзывать грибы, эти любители сильно уменьшаютъ урожай, повреждая грибницу, тонкія бѣлыя нити, или «плѣсень», какъ ее называютъ, изъ которыхъ вырастаютъ грибы.

То, что мы привыкли называть грибомъ, не есть самостоятельное растеніе, а нѣчто въ родѣ плода; само же растеніе, изъ котораго вырастаютъ грибы, это — грибница, или грибной мицелій, какъ называютъ ученые массу бѣлыхъ нитей, похожую на войлокъ и пронизывающую почву во всѣхъ направленіяхъ. Когда грибницей накоплено достаточное количество питательныхъ веществъ, изъ нея вырастаетъ грибъ, который растетъ очень быстро, образуетъ споры и въ скоромъ времени отмираетъ.

Споры низшихъ растений, хотя и не похожи на сѣмена, но имѣютъ то-же назначеніе, именно размноженіе растенія. У различныхъ грибовъ споры образуются въ разныхъ мѣстахъ. У трубчатыхъ грибовъ, имѣющихъ на нижней сторонѣ шляпки такъ называемую «губку», споры образуются въ тоненькихъ трубочкахъ, изъ которыхъ состоитъ «губка». Когда грибъ созреетъ, трубочки эти открываются, и споры свободно высыпаются. Вотъ отчего у зрѣлаго гриба нижняя поверхность шляпки кажется словно истыканной булавкой, какъ это можно наблюдать у боровика, подосиновика и подберезовика, масленика, козляка и др.

У сыроѣжки, рыжика, груздя и другихъ схожихъ съ ними грибахъ на нижней поверхности шляпки имѣются пластинки, расходящіяся въ видѣ лучей отъ середины къ краямъ шляпки, и споры у нихъ образуются на боковыхъ поверхностяхъ этихъ пластинокъ.

Въ томъ, какъ выпадаютъ изъ гриба споры, можно убѣдиться на слѣдующемъ опытѣ. Зрѣлый грибъ кладутъ нижней стороной на листь бумаги, которая должна быть иного цвѣта, чѣмъ эта сторона гриба. Черезъ нѣсколько часовъ уже на бумагѣ окажется порошокъ того же цвѣта, какъ нижняя сторона шляпки гриба. Если грибъ былъ пластинчатый, то споры расположатся такъ, какъ пластинки, и получится какъ бы отпечатокъ гриба, при условіи, конечно, если совершенно не было движенія воздуха, отъ котораго смелись бы споры.

Выпавшіе на влажную почву споры лопаются, и изъ нихъ выходитъ сосочекъ, который начинаетъ вѣтвиться и въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи образуетъ грибницу, которая и есть самая главная, самая важная часть при ростѣ грибовъ. Не каждая, конечно, спора можетъ дать грибницу. Для этого требуются особыя благоприятныя условія, и, вдобавокъ, плодошеніе грибницы начинается въ лучшемъ случаѣ только на другой годъ. Поэтому грибницу слѣдуетъ беречь, осторожно срѣзывая грибы острымъ ножомъ немного повыше почвы. Если строго придерживаясь этого правила, урожай грибовъ можетъ быть во много разъ большій, чѣмъ при срываніи его съ грибницы, а тѣмъ болѣе при изрываніи почвы въ надеждѣ найти лишній спрятавшійся грибъ.

Длина корней растений.

Какъ извѣстно, корни служатъ растеніямъ, главнымъ образомъ, для извлеченія изъ почвы влаги и растворенныхъ въ ней солей, необходимыхъ для питанія. Насколько значительно развитіе корневой системы, можно убѣдиться, осторожно извлекая корни изъ рыхлой почвы. Корни отрѣзаются и точно измѣряются. Одинъ англійскій ученый измѣрилъ такимъ образомъ общую длину корней одного отростка овса и получилъ цифру въ 136 метровъ. Сюда не включены мелкіе волосистые корешки, которые увеличиваютъ въ двѣнадцать разъ поверхность несущаго ихъ корня. Другой американскій изслѣдователь произвелъ измѣреніе корней четырехъ отростковъ кукурузы и въ результатѣ у него получилось 1600 метровъ корней, т. е. 400 метровъ на каждый отдѣльный отростокъ растенія.

Молодые крокодилята, какъ видно изъ нашего рисунка, имѣютъ довольно безобидный видъ въ день появленія на свѣтъ Божій.

Курьезы жизни.

Попаль впросакъ.

Незнаніе мѣстныхъ обычаевъ можетъ иной разъ поставить несвѣдущаго человѣка въ ужасное положеніе. Нѣсколько времени тому назадъ въ одномъ западномъ американскомъ городѣ, праздновавшемъ годовщину своего основанія, былъ устроенъ карнавалъ, въ которомъ приняли участіе десятка два индѣйцевъ племени ютъ. Кромѣ того, торжество посѣтилъ завѣдывающій телеграфомъ, недавно поселившійся въ городѣ. Онъ чрезвычайно заинтересовался индѣйцами и каждому изъ нихъ подарилъ что-нибудь на память. Одной необыкновенно красивой дѣвужкѣ, дочери вождя племени, бывшей моложе всѣхъ, онъ подарилъ ожерелье изъ стеклянныхъ бусъ, и подарокъ этотъ, повидимому, очень обрадовалъ ее.

Недѣлю или двѣ спустя онъ получилъ отъ молодой дѣвужки красивую куртку изъ оленьей шкуры, расшитую бисеромъ.

Онъ былъ немного удивленъ, однако счелъ это только отплатой за любезность, выказанную имъ ей племени. Но черезъ нѣсколько дней одинъ пріятель, знакомый съ жизнью и обычаями индѣйцевъ, разъяснилъ ему, что этотъ обмѣнъ подарками обозначаетъ индѣйское сватовство. Подаривъ бусы, онъ сдѣлалъ предложеніе, а она приняла его, пославъ куртку.

Испуганный телеграфистъ, не мѣшкая, написалъ вождю индѣйцевъ письмо, въ которомъ объяснялъ, что ему не нужна жена, что онъ уже женатъ и что все происшедшее не болѣе, какъ недоразумѣніе, возникшее благодаря его незнанію мѣстныхъ обычаевъ. На это ему отвѣтили, что приготовления къ свадьбѣ уже почти окончены, и что если онъ не явится во-время, то выйдутъ серьезные безпорядки.

Кончилось тѣмъ, что бѣдный малый, не на шутку перепуганный, просилъ телеграфное вѣдомство перевести его на другое мѣсто и съ той поры носа не смѣлъ показывать въ штатъ, гдѣ жила его невѣста съ своимъ разгнѣваннымъ старикомъ-отцомъ.

Едва не повѣсили.

Какъ въ дѣйствительной жизни, такъ и въ области вымысла, часто бываетъ, что одного человѣка принимаютъ за другого, и нѣкоторые романисты чрезвычайно любятъ пользоваться этимъ сюжетомъ, чтобы ставить своихъ героинь въ самое безвыходное положеніе. Но никогда, кажется, даже въ вымышленныхъ расказахъ, не доводилось человѣку испытывать такого безпокойства и испуга, какіе причинила ошибка подобнаго рода одной молодой американкѣ — Катринѣ Руксъ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ миссъ Руксъ, которой было тогда двадцать три года, жила въ Питтсбургѣ; какъ-то разъ она получила извѣстіе, что ея любимый братъ, жившій въ Чикаго, сильно боленъ. Ей чрезвычайно хотѣлось навѣстить его, но не хватало денегъ на такое длинное путешествіе, поэтому она рѣшила отправиться въ путь въ видѣ странствующаго рабочаго и проѣхать въ поѣздѣ даромъ. Она надѣла мужское платье и спряталась въ багажномъ вагонѣ.

Между тѣмъ случилось такъ, что въ тотъ самый день, когда она выѣхала, въ Ньюкэстлѣ, городѣ, лежащемъ на пути между Питтсбургомъ и Чикаго, было совершено однимъ негромъ ужасное убійство. Когда багажный поѣздъ остановился на станціи въ Ньюкэстлѣ, къ нему направилась толпа въ сорокъ или пятьдесятъ человѣкъ, главшаяся за убійцей.

Увидѣвъ бѣгущую толпу, молодая дѣвужка испугалась и, выпрыгнувъ изъ вагона, помчалась во весь духъ прочь отъ поѣзда.

Видъ ея лица, выпачканнаго угольной пылью, внушилъ толпѣ мысль, что она и есть тотъ человѣкъ, за которымъ гнались, и преслѣдователи съ яростнымъ ревомъ бросились за нею въ погоню. Не успѣла она пробѣжать и ста шаговъ, какъ ее поймали и притащили къ ближайшему дереву. Ей обвязали шею веревкой и велѣли молиться Богу.

Отъ ужаса она совершенно онемѣла. Лишь въ ту минуту, когда веревочная петля туго затянута была вокругъ ея шеи, у нея вырвался послѣдній отчаянный крикъ. Звукъ его такъ ясно выдавалъ женскій голосъ, что испуганные линчеры тотчасъ же ослабили веревку. Въ тотъ мигъ, какъ они дернули петлю, фуражка съвалилась у нея съ головы, и волосы ея рассыпались

по плечамъ. Тогда преслѣдователи, увидѣвъ свою ошибку, поспѣшно развязали петлю и попросили у миссъ извиненія. Дрожа отъ волненія, она рассказала, кто она и куда ѣдетъ. Чителы загляди причинуе ей безпокойство, рабочіе поспѣшно сдѣлали въ ея пользу сборъ, достигившій сумму денегъ, которой ей хватило на остальную дорогу до Чикаго.

Невольный грабитель.

Едва ли можно представить себѣ болѣе неприятное положеніе, какъ безсознательно сдѣлаться разбойникомъ на большой дорогѣ.

Между тѣмъ нѣчто подобное случилось съ извѣстнымъ испанскимъ генераломъ Мартинесомъ Компосомъ.

Возвращаясь разъ зимнимъ вечеромъ домой изъ своего клуба, генералъ столкнулся на улицѣ съ незнакомцемъ и, тотчасъ же оцупавъ рукою свой жилетъ, сдѣлалъ неприятное открытіе, что на немъ нѣтъ золотыхъ часовъ съ цѣпочкой.

Несмотря на свой почтенный возрастъ, генералъ отличался необычайной живостью и провозомъ. Онъ бросился въ погоню за незнакомцемъ, настигъ его, схватилъ за горло и крикнулъ:

— Отдай часы, бездѣльникъ, а иначе я задушу тебя!

Прохожій, дрожа, отдалъ ему часы и цѣпочку, и генералъ, обрадованный своимъ успѣхомъ, пошелъ домой.

Придя домой, онъ вошелъ къ себѣ въ спальню. Можно себѣ представить его изумленіе, когда онъ увидѣлъ на своемъ туалетномъ столикѣ собственные часы съ цѣпочкой, которые, очевидно, забылъ тамъ, уходя изъ дома. Онъ сорвалъ съ себя часы, отнятые, какъ онъ думаетъ, у вора. Это были чужіе часы. Прохожій принялъ, очевидно, генерала за разбойника и отдалъ ему часы. Генералу Компосу ничего другого не оставалось, какъ увѣдомить газетнымъ объявленіемъ собственника часовъ о случившемся.

Спортивный уголокъ.

Спортъ въ Ригѣ.

Еще задолго до начала мировой войны латышскіе спортсмены завоевали себѣ извѣстность въ русскихъ спортивныхъ кругахъ. Послѣ революціи въ независимой Латвіи спортъ быстро завоевываеъ себѣ почетное мѣсто. Въ настоящее время въ Латвіи и, въ частности въ Ригѣ, культивируются всевозможные виды спорта, какъ-то: футболъ, циклизмъ, легкая атлетика, тяжелая атлетика, плаваніе, гимнастика, бѣгъ на конькахъ, хоккей, теннисъ, баскетболъ и т. д. Почетное мѣсто среди всѣхъ видовъ спорта занимаетъ, конечно, футболъ. Въ Ригѣ имѣется въ настоящее время 12 спортивныхъ обществъ, выставляющихъ по 2 и 3 команды футболистовъ, которыя раздѣлены на 2 класса. Въ „А“ классѣ имѣется 5 командъ: „Р. Ф. К.“ (мастеръ Латвіи), „Л. С. О.“, „УМСА“, „Аматеръ“ и „Л. Н. С. М.“ Въ „Б“ классѣ находятся команды: „Юнионъ“, „Гакоахъ“, „Маккаби“, „Марсъ“, „Л. У. А. С. О.“, „Богатырь“ и „Вѣстуръ“. Весною между всѣми командами разыгрывается кубокъ гор. Риги, а осенью происходятъ игры на званіе мастера Латвіи. Изъ прогріціальныхъ командъ слѣдуетъ выдѣлнить либавскую „Олимпию“.

Легкая атлетика имѣетъ своихъ представителей среди почти-что всѣхъ рижскихъ спортивныхъ обществъ. Нѣкоторые изъ латвійскихъ легкоатлетовъ, какъ Мотмиллеръ, Циммерманъ, Йеккаль, Сукатиѣвъ и Витгофъ, извѣстны также и за границей, гдѣ они съ честью поддерживали

добрую славу латвійскаго спорта. Состязанія по легкой атлетикѣ устраиваются преимущественно лѣтомъ Союзомъ объединенія спортивныхъ организацій. Каждые четыре года происходитъ Вселатвійская Олимпиада, собирающая въ Ригѣ спортсменовъ со всѣхъ сторонъ Латвіи.

Изъ многочисленныхъ видовъ тяжелой атлетики въ Ригѣ особенно развитъ боксъ. У насъ имѣются многіе боксеры, которые могутъ смѣло выступать и за границей. Хорошихъ боксеровъ имѣютъ общества „УМСА“, „Краузе“, „Маккаби“ и „Гакоахъ“.

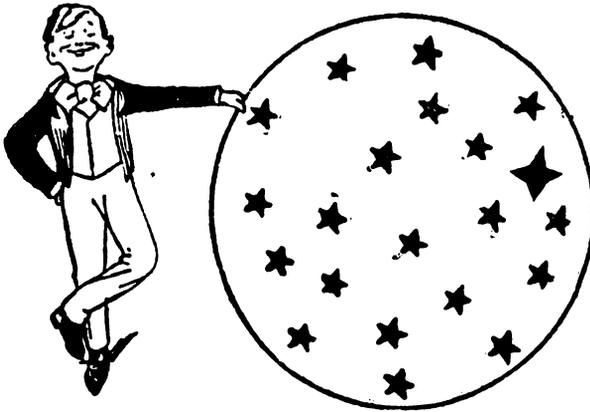
Теннисомъ и плаваніемъ занимается у насъ почти преимущественно нѣмецкая молодежь. Въ Ригѣ имѣется „Балтійское 0-во Плаванія“, которое насчитываетъ много хорошихъ пловцовъ. Теннисомъ интересуются и иностранцы, живущіе въ Ригѣ, преимущественно англичане. Зимною развита игра „теннисъ на столѣ“ (пинг-понгъ), которой увлекается не только молодежь, но и болѣе зрѣлое поколѣніе.

Зимомъ, когда большинство футбольныхъ площадокъ превращено въ катки, футболисты увлекаются игрой, имѣющей сходство съ футбольной — „хоккей на льду“. Организуется особый чемпионатъ между отдѣльными хоккейными командами на званіе мастера Риги. Кромѣ того, спортивнымъ обществомъ „УМСА“ устраиваются состязанія въ баскетболъ и волейболъ

Л. Б—гъ.

Конкурсъ задачъ.

Задача № 82.

Раздѣлить данный кругъ на четыре равныхъ части двумя одинаковыми, взаимно пересѣкающимися кривыми, имѣющими форму большого французскаго S, такимъ образомъ, чтобы въ каждой части круга оказалось одинаковое число звѣздъ.

Срокъ присылки рѣшеній этой задачи — 1 сентября. Между правильно рѣшившими задачу будутъ распределены 5 премій.

Рѣшеніе задачи № 30.

Путешествіе въ Петроградъ.

Для облегченія рѣшенія перенумеруемъ наши станціи начиная съ Р, Г, А и т. д. до свободной станціи и получимъ такимъ образомъ нумерацію I—II. Передвигаемъ буквы согласно условіямъ задачи (см. № 10 журнала) въ слѣдующемъ порядкѣ:

О	на станцію 11
Р	„ „ 10
Г	„ „ 1
О	„ „ 2
Е	„ „ 11
П	„ „ 9
Р	„ „ 8
Г	„ „ 10
А	„ „ 1
Ъ	„ „ 3
О	„ „ 4
Е	„ „ 2
П	„ „ 11
Д	„ „ 9
Р	(двойное) 7
Р	„ „ 6
Г	„ „ 8
А	„ „ 10
Ъ	„ „ 1
Т	„ „ 3
О	„ „ 5
Р	„ „ 4
Г	„ „ 6
А	„ „ 8

Ъ „ „ 10

П „ „ 1

Задача рѣшена въ 26 ходовъ.

Правильно рѣшили задачу: Архиповъ

Аркадій, Берзинъ К., Буценикъ Чеславъ, Владиміровъ Павелъ, Гейманъ (Мурзилка), Григорьева Ольга, Гринчукъ Алекс., Должиковъ Алексѣй, Кальниншъ Эдуардъ, Кемпау Германъ, Кривошапкинъ Борисъ, Марчевскій В., Микалкъ Викторъ, Н. К., Полякъ М., и Плинеръ Л., Рябинкинъ Левъ, Секундо Веніаминъ.

Между ними по жребію распределены 5 премій, доставшіяся:

Буценику Чеславу, Двинскъ, Думская ул. № 35.

Кемпау Герману, Рига, Б. Полисадная № 23.

Микалку Виктору, Рига, Дворцовая ул. № 35.

Поляку М. и Плинеру Л. Рѣжица, Латгальскій пр. № 92

Секундо Веніамину, Рига, Господская ул. № 30а.

Означеннымъ лицамъ выслано изданіе Акц. О-ва Печ. Дѣла «Саламандра» — «Вечера на хуторѣ близъ Диканьки.» Н. В. Гоголя.

Отъ редакціи.

Въ виду полученныхъ многочисленныхъ запросовъ, доводимъ до свѣдѣнія нашихъ читателей, что **ВСѢ ОНИ ИМѢЮТЪ ПРАВО УЧАСТІЯ ВО ВСѢХЪ КОНКУРСАХЪ „ЮНАГО ЧИТАТЕЛЯ“,** въ томъ числѣ и въ конкурсѣ „ЮНАГО

ФИЛАТЕЛИСТА“ и большомъ конкурсѣ „ФОТОГРАФА-ЛЮБИТЕЛЯ“. Конкурсъ подписчиковъ закончился задачей № 29, и результаты конкурса опубликованы въ № 14 журнала.

Отъ конторы.

Нѣкоторые наши читатели жалуются на неполученіе ими журнала по почтѣ. Въ большинствѣ случаевъ оказывается, что виноваты они сами, потому что забыли внести подписную плату съ 1-го іюля. Имѣя въ виду эту забывчивость, контора жур. «Юн. Читатель» выслала № 13 журнала в сѣмъ безъ исключенія подписчикамъ, какъ аккуратнымъ,

такъ и менѣе аккуратнымъ, но дальнѣйшая высылка, конечно, прекращена.

Милости просимъ внести денежки на нашъ почт. тек. счетъ 917, или прислать подписную плату заказнымъ письмомъ, указавъ при этомъ, съ какого № возобновить высылку журнала.

Подписная цѣна до конца года — 6 латъ.

Издатель: А/О Печ. Дѣла „Саламандра“.

Редакторъ: Л. Кормчій.

Отв. редакторъ: Е. Н. Андруова.

РОДИНА

Сборникъ для дѣтей и юношества
подъ редакціей о. М. БУРНАШЕВА

Издание Акц. О-ва
„САЛАМАНДРА“

Содержаніе: Прологъ изъ поэмы „Русланъ и Людмила“, Богатыри святорусскіе, Шелканъ Дудентьевичъ, Гришка Разстрига, О Христовѣ Вознесеніи, Стихъ о книгѣ голубиной, Слово о полку Игоревѣ, Изъ „Иного сказанія“, Воззваніе архимандрита Діонисія и келаря Авраамія, Троицкая грамота, О Ершѣ Ершовѣ, сынѣ Щетинниковѣ (народная сказка), Пѣснь о Вѣщемъ Олегѣ, Куликовская битва, Пѣсня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова, Праведная Улянія Лазаревская, Мѣдный всадникъ, Передъ сраженіемъ (Л. Толстого), Сорочинская ярмарка (полностью), Бѣжинъ лугъ (полностью). Стихи Лермонтова, А. Толстого, К. Р. Никитина, Бувина, Некрасова, Кольцова.

60 иллюстрацій въ текстѣ съ картинъ русскихъ художниковъ: Н. П. Богданова-Бѣльскаго, А. М. Васнецова, В. М. Васнецова, С. А. Виноградова, М. В. Добужинскаго, Б. М. Кустодіева, И. И. Левитана, Н. К. Рериха и др.

Четыре цвѣтныхъ репродукціи съ картинъ Н. П. Богданова-Бѣльскаго, В. М. Васнецова, И. И. Левитана и В. Е. Маковского.

Цѣна 1 латъ. Заграницей 25 ам. цент.

Продажа во всѣхъ книжн. магаз. и въ редакціи Рига, L. Kaleju ielā 43.

Издательство „САЛАМАНДРА“

Продолжается подписка на 2-е полуг. 1926 г.

на журнал

для семьи и юношества

Юный Читатель

12 богато иллюстрированных книжек журнала, бесплатное приложение: романъ Л. Кормчаго „Сърый домикъ“ съ иллюстраціями художника Г. Дайбера и множество премій по конкурсамъ.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА: 6 лать (300 руб.).
За границей 1 дол. 75 центовъ.

Адресъ редакціи и конторы: РИГА, Вальдемарская улица № 63.
Тек. счетъ на почтѣ 917.

Второй талонъ большого конкурса „ФОТОГРАФА-ЛЮБИТЕЛЯ“.

Имя и фамилія

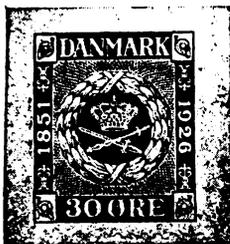
Адресъ

Количество снимковъ

Срокъ присылки талона 20 августа с. г

КОНКУРСЪ „ЮНАГО ФИЛАТЕЛИСТА“

Талонъ № 3.

Имя и фамилія

Адресъ

Мною собрано штукъ.

Талонъ вырѣзать, заполнить и послать редакціи вмѣстѣ съ остальными талонами этого конкурса не позже 1 сентября с. г. въ конвертѣ съ надписью „Конкурсъ Филателиста“

Одинъ уже „ихъ“ поѣлъ и радуется, что и другой „ихъ“ ѣсть.

„ИХЪ“! Да это всѣмъ давно знакомые **баранки Волкова**. Дѣти признали исключительный вкусъ **баранокъ Волкова**. Но получить ихъ вы можете не гдѣ-нибудь у разносчика съ сомнительно чистымъ передникомъ, баранки котораго не разъ побывали подъ дождемъ и не разъ высушивались (вѣдь ему ихъ нужно сбыть), а только въ специальныхъ магазинахъ:

Рига: Мельничная 90, Динабургская 19, Дерптская 53;
Либава: Коронная 20; Маіоренго фъ, Юменская 39.

„Перезвоны“

Литературно - худож. иллюстр.
журналь.

Цѣна № — 1 лать.

„Юный читатель“

Журналь для семьи и юно-
шества.

Цѣна № — 60 сантимовъ.

„Новая Недѣля“

иллюстрирован. еженедѣльникъ
Цѣна № — 30 саят.

Дешевая библиотека.

(Капитанская дочка, Тарась Бульба, 2 выпуска Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки и т.д.)

Выпускъ — 60 сантимовъ.

„Родина“

Сборникъ ко дню Русской
Культуры.

(4 цвѣтныхъ илл. и 60 одноцвѣтныхъ).

Цѣна — 1 лать.

„СЛОВО“

дневная, а по праздникамъ
утренняя газета.

№ — 10 сантимовъ.

Только пользуясь фотографическ. принадлежностями, купленными въ

„ОКО“

можно достигнуть побѣды на предстоящемъ конкурсѣ фотографовъ.

ОКО — торговля оптическими и фотографическими принадлежностями.

Р и г а, бульваръ Аспазіи 8.

Фотографическіе аппараты отъ Ls. 7.50

Тебя, мой юный читатель, привѣтствую! Увлекайся радіо, но знай, что единственный магазинъ въ Ригѣ, который продаетъ аппараты радіо, его части, а также и дѣлаетъ установку радіо въ разсрочку, это —

А. ГАУПТЪ,

Известковая 1, телеф. 20134.

Школьники!

Ранцы, сумки, ученичск. портфели, туфли для балета и спорта вы покупаете въ магазинѣ изящн. кожан. издѣлій

А. РАТФЕЛЬДЕРЪ,

(бывш. ПАРТУМЪ)

Основ. въ 1885 г..

Известковая улица (Kaļķu ielā) № 23, телефонъ 81-45

Побѣда

на конкурсѣ фотографовъ-любителей
возможна лишь при пользованіи наилучшими фото-принадлежностями.

Все наилучшее найдете въ специальномъ магазинѣ фото-принадлежностей

А. Лейбовича

ул. Кр. Барона (Суворовская) 2, тел. 20661.

FOTO-RADIO.

Цѣна 60 сант. (30 латв. руб.). Загран. 15 амер. центовъ.